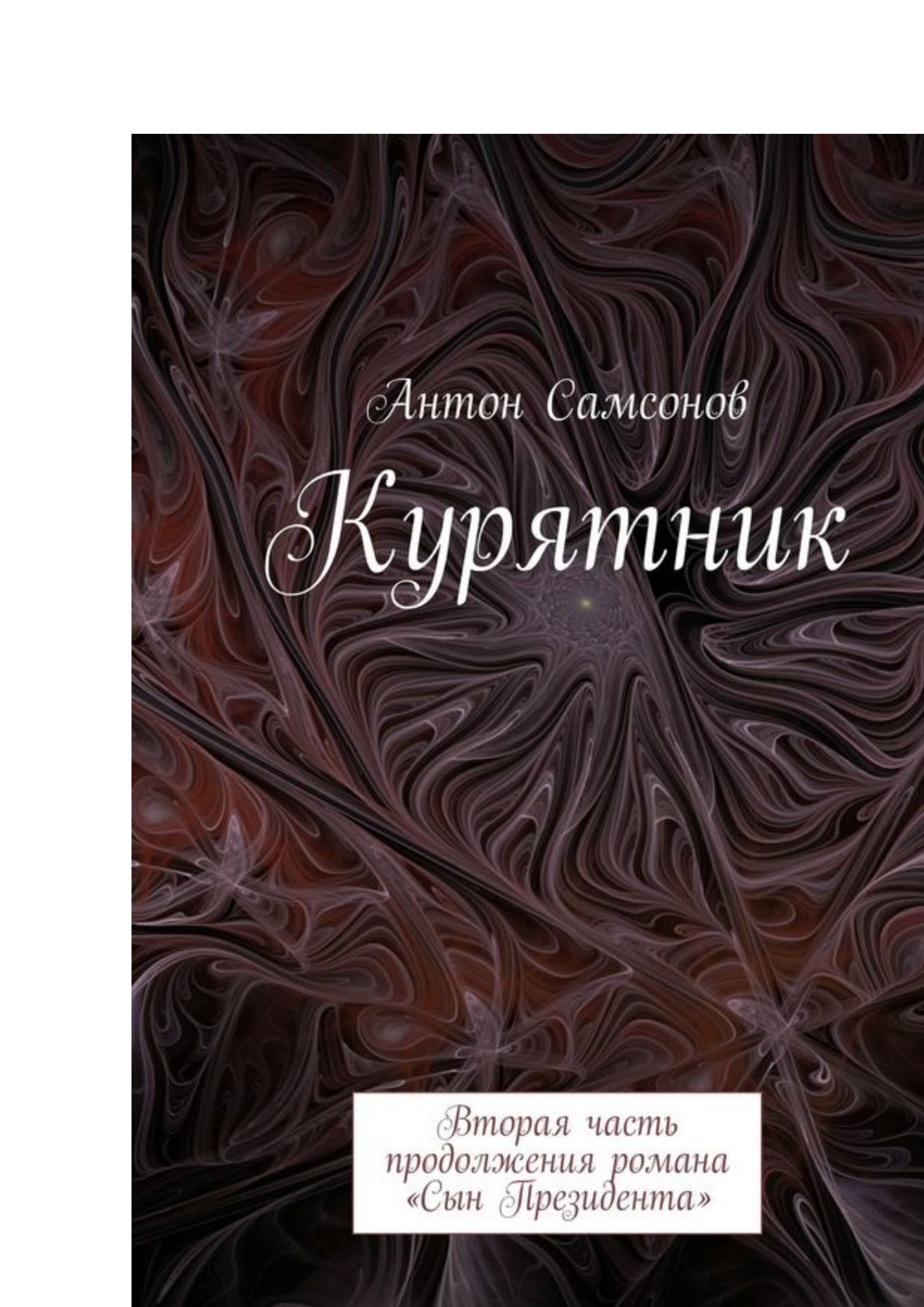


The background of the book cover is a complex marbled pattern. It features swirling, organic shapes in various shades of dark brown, black, and deep red. The pattern is dense and intricate, resembling traditional marbled paper or a digital fractal design. The overall effect is one of depth and texture.

Антон Самсонов

Курятник

Вторая часть
продолжения романа
«Сын Президента»

Антон Самсонов
Курятник. Вторая часть продолжения
романа «Сын Президента»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961064
ISBN 978-5-4474-2714-6*

Аннотация

Все рухнуло. Поезд взорвался. Хрустальный семейный корабль треснул и, быстро набрав в себя воду, пошёл ко дну. Что делать дальше? Строить новую жизнь или начать новую? А может, сразу и то и другое? И как справиться с чувством жажды мести? Решай сам.

Содержание

Том второй	5
16. Что-то из прошлого и что-то новое	5
17. Личное	20
18. Тысяча слёз	33
19. Это пройдет	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Курятник
Вторая часть продолжения
романа «Сын Президента»
Антон Самсонов

© Антон Самсонов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru
ВСЕ ПЕРСОНАЖИ ДАННОЙ ИСТОРИИ ВЫМЫШЛЕНЫ ВОЗМОЖНЫЕ СОВПА-
ДЕНИЯ СЛУЧАЙНЫ.

Том второй

16. Что-то из прошлого и что-то новое

*Что-то из прошлого и что-то новое
А солнце все равно останется сиять на небосводе
Мы можем что-то скрыть или забыть
Но есть кровь, которую не смыть
Просто так.*

Current Music – 2 Quick Start – Midagi ammust ja midagi uut

Уклад жизни в президентской квартире за несколько месяцев не изменился. Несмотря на отсутствие по различным причинам уже покинувших этот мир персонажей, каждое утро семья собиралась за своим большим столом из дорогих пород древесины на общий завтрак. В шкафу больше никто не прятался, теперь там только позволяла себе спать Дагни. Все пространство принадлежало ей, и нахальная кошка возмущалась, если, например, корзина с грязным бельем, оказывалась переполненной...

Застольные тревобления в этот приятный сентябрьский день были посвящены окончанию расследования причин крупной железнодорожной катастрофы, случившейся два месяца назад. Товарный состав ошибочно был пущен по главному пути, и ему в хвост врезался скоростной пассажирский поезд. В результате серии взрывов погибло множество людей и было уничтожено около полутора километров путей. В процессе разбирательства выяснилось, что роковое стечение обстоятельств произошло из-за халатности диспетчеров и неисправности стрелочного перевода:

– Однако, – заметил Сашка Волков, – как подчистую обвинили исполнителей и ни одно лицо, уровнем повыше не было задето. Состав обвиняемых просто радует глаз, постарались, чтобы досталось всем. Но при этом руководство обошли.

– А чем оно виновато, – не понял Президент Волков, – все это халатность исполнителей.

– Я не согласен, – ответил отцу сын, – посуди сам, все эти исполнители были наняты кем? Правильно, этим самым руководством. Тогда почему люди, которые наняли в свое время настолько некомпетентных работников не несут ответственность за то, что в свое время, когда осуществлялся прием на работу этих лиц, они проглядели их некомпетентность.

– Если судить таким образом, – заметил Волков, – то сажать нужно всех повально.

– Не совсем, – заметил Сашка, – в первую очередь тех, кто, следуя принципу знакомства или родства пропускает вперед своих людей тем самым снижая шансы на трудоустройство действительно достойных кандидатов.

– Если мне не изменяет память, – сказал Президент, – сегодня вы начинаете подбор персонала в Озерское отделение своего молодежного десанта. Кому доверено вести собеседование?

– Мы с Сашей этим займемся сами, – ответил Максим, – Женя вроде обещала помочь..., – он кивнул в сторону жены, которая быстро ответила:

– Но у нее сегодня очень загруженный день в университете. И потом, вы всерьез хотите использовать каторжный труд беременной женщины? – в тот момент Женя Сулянина была, что называется, только в начале основной фазы беременности, так как только-только завершался четвертый месяц, но не отказывала себе в удовольствии это подметить и напомнить о своем привилегированном положении.

– Вот тебе и пример, – заметил Волков, – одна уже с себя ответственность сняла, объяснив это занятостью и состоянием здоровья. А теперь представь, что Максим вдруг простужается и ты остаешься на собеседовании один. Теперь допустим, что ты, Саша, отлично разбираешься в экономических аспектах деятельности железной дороги, Максим отвечает за подвижной состав, а Женя – за техническое состояние пути. Но получилось так, что собеседование ты вел один. Спрашивается, могут ли нести ответственность за твой выбор Максим и Женя в случае чего?

– Ну... Если бы мы рассматривали рабочий момент, то у Жени с ее университетом и беременностью не совсем уважительная причина. Она что стала инвалидом от того что носит под сердцем дитя? Да и месяц у нее не девятый, и токсикоза вроде бы нет.

– Типун тебе на язык, – ответила Женя Сашке.

– Хорошо, – переиграл Волков, – признаю, что не совсем корректный пример привел. Допустим, Женя застряла в пробке по дороге...

– Выезжать раньше нужно, это полной дурой надо быть, чтобы выехать, не сделав поправку на пробки.

– Кроме того, – отметила Женя, – я себе такое никогда не позволяю. Ведь поскольку я беременна...

– Женя! – взмолился Сашка, – забудь ты на мгновение о своей беременности, умоляю.

– Стоп. Остановите эту словесную демагогию, – заявил Президент, – допустим у Жени тоже была очень уважительная причина. Так вот, а теперь главный вопрос, Саша. Можешь ли ты себя считать ответственным за ошибку нанятого тобой человека, если ты сам в его конкретном вопросе не разбирался. Ты экономист, а он инженер, или стрелочник!

– Могу, – ответил Сашка, – я бы не стал брать на работу человека, в чьем профиле деятельности не разбираюсь.

– А теперь представь себе, – заметил Волков, – что он прямо на собеседовании дает тебе понять, что у него на шее трое детей, семья. Без этой работы все загнутся и так далее. Неужели тебе не будет его жаль?

– Это подмена понятий! – ответил Сашка, – если у него проблемы, семья и прочее, то он не становится от этого лучше и профессиональнее. Какого дьявола это рабочее место должен занимать тот, кто в нем больше нуждается, а не тот, кто его больше заслуживает?

– К сожалению, – заметила Женя, – нашим менталитетом заложено, что мы обязаны помогать ближнему.

– Вот, – сказал Президент, – так что почему мы должны наказывать тех, кто нанял такого человека на работу?

– Потому что если мы их не накажем, хотя бы один раз и жестко, – возмутился Сашка, – то все это веселье будет продолжаться в том же духе. Исходя исключительно из принципов человечности будут идти под откос поезда, взрываться плотины, и мы продолжим объяснять все исключительно фактором необходимости быть человечнее. Это абсурд! Эта трагедия унесла жизнь почти двухсот человек. Получается, что мы угробили эту толпу людей, ради того, чтобы бездарного, но при этом многодетного сотрудника взяли на работу и обеспечили его детей кровом и пищей. То есть мы убили двести ради трех? Или там четырех. И ведь в других сферах это тоже процветает. Точно так же тебя может уморить бездарь врач, у которого крайне тяжелая семейная ситуация или многодетная училка полный ноль изуродует психику твоему ребенку. Просто потому что им сложнее выживать, а не потому что они достойны своего рабочего места за профессиональные заслуги.

– Но к этому привыкли!

– И тем самым идет самое простое нарушение законов, которые вы у себя в парламенте так активно протаскиваете. Причем местами они оказываются один абсурдней другого.

– Свежий пример есть?

– Ну как ему не быть, – развел руками Сашка, – чем у нас сейчас занят парламент? Правильно, они обсуждают закон, который уже успели принять в Северной Столице, благодаря активности этого психопата, депутата Филонова. Он возглавляет Апостольный Богоугодный Отряд Религиозной Толерантности «Аминь», попробуй сократи это до аббревиатуры и посмейся. Я считаю, что в момент, когда у страны крайне кривые и даже нехорошие экономические показатели и вот-вот может начаться падение национальной валюты, обсуждать на государственном уровне проблему пропаганды гомосексуализма кощунственно. Почему нельзя было принять меры по разработке законодательной базы, которая бы поспособствовала оздоровлению экономики?

– А как насчет защиты семейных ценностей и повышения рождаемости? – заметил Волков.

– Ой не надо, – заметила Женя, – все наши меры, направленные на повышение рождаемости привели к тому, что плодятся как раз вот такие дуболомы, которые пьют в подъездах пиво и матерятся на остановках общественного транспорта. А потом пользуются своим положением многодетного родителя для получения хорошей работы, льгот и прочего. А зачастую, по сути, это семьи алкоголиков. Но у них куча детей, они повышают рождаемость...

– Так может проще запретить к продаже контрацептивы? – съязвил Сашка, – или приказывать все презервативы продавать дырявыми. Рождаемость взлетит до небес! Только вот никто и думать не хочет о том, что всю эту народившуюся толпу придется кормить! А хочет ли работать ребенок, выросший в подобной семье? Разумеется нет, потому что в нем некому было воспитать ответственного и трудолюбивого гражданина. Да и зачем, когда спокойно можно жить на пособие?

– Но большинство настаивает на этом законе, – заметил Волков, – согласно опросам.

– То, чего желает большинство не всегда так уж правильно, – заявил Максим, – у нас, согласно тем же самым опросам, все население недовольно поведением чурок. Так что, может быть вы пойдете у них на поводу и сгоните всех чурок в гетто и резервации, устроите сегрегацию по национальному признаку, просто потому что этого хочет большинство.

– Уел злодей, – улыбнулся Волков, – я и сам прекрасно знаю, что общественное мнение тупое до безобразия.

– Потому что большинство в нем составляют как раз многодетные бездельники и алкоголики, которым так жить удобно, – сказал Сашка.

– Из-за которых у нас идут под откос поезда, – завершил мысль Максим.

– Кстати, вот тебе еще пример того, на какие абсурдные вещи порой готово пойти большинство, даже вопреки закону, – вспомнил Сашка, – как тебе история с аварией возле станции Ельша?

– А что там не так, – удивился Волков, – с юридической точки зрения все просто и очевидно, как пять копеек. Парень ехал на зеленый свет, тормозил как мог, но было некуда. Он отделается штрафом, если, конечно, докажут, что в тормозной системе были неисправности, которые он вовремя не заметил и не исправил. Хотя, я удивлен, что в нашей стране до сих пор не подняли истерические крики и не навесили на него ярлык убийцы деточек.

– О, – заметил Максим, – вот тут я уже удивлюсь. Ты пропустил все это бурление говна в интернете? Оно там в полном разгаре!

– Так, – потянулся Волков, – просветите меня.

И Сашка с Максимом бросились наперебой рассказывать об огласке истории со столкновением машины с толпой, которая переходила скоростную трассу на красный свет. В результате кегельбана на дороге погибло десять детей, шесть пенсионерок и двое грузчиков. Остальные отделались либо травмами разной степени тяжести или просто легким испугом. Те, кто оказались в последней группе, судя по всему, поняли, что как наименее пострадавшие, они могут оказаться виноватыми в случившемся. Хотя, с другой стороны,

не они управляли автомобилем. А переть против толпы в нашей стране бессмысленно. Так или иначе весь интернет кипел возмущением в адрес несчастного водителя, который просто не в тот день сел за руль и не по той дороге поехал:

– В нашей стране такое более чем ожидаемо, – сказал Волков выслушав братьев, – и вы с этим ничего не сможете сделать.

– Это еще почему? – спросил Сашка.

– Ну, во-первых, – рассудил президент, – я тебе самому не позволю лезть в эту кашу, раз там уже творится общественное порицание и заочное обвинение водителя. Себе дороже...

– А во-вторых?

– Что, я понять не могу, ты всерьез собрался занять сторону этого водилы, и тем самым угробить разом все свои политические шаги?

– На самом деле, – пояснил Сашка, – мне просто любопытно, что и как делать в этой ситуации.

– Ничего. Водителю можно разве что посоветовать сменить страну проживания, поскольку если его не осудят при таких обстоятельствах, то линчуют те, кого он не додавил. Да еще и судье добавят. У нас же к этому отношение, сами понимаете.

– Самые натуральные дикари, – подытожил Сашка, – ведем себя в такой ситуации так, словно никаких законов в реальности не существует, как факта. Почему считается нормальной ситуация, когда ты можешь попасть в тюрьму за то, что не нарушил закона, как этот водитель, или если заступился за кого-то, или посмел сопротивляться преступнику, попытавшемуся тебя ограбить, нанес ему увечье и понес за это наказание! Какого дьявола наш уголовный кодекс защищает скорее преступников, нежели нас?

– Да удобно так, неужели непонятно. И менять никто это не будет и не хочет. Большинство право всегда, даже если оно неправо.

– Это какой-то дикий абсурд, – сказал Максим, – каждый раз, когда я читаю новости про эту историю, то ощущаю, как у меня подступает к горлу омерзение от того, какие люди живут в нашей стране и что они себе позволяют...

– Ладно. На эту тему мы можем дискутировать до вечера и только смотреть как будет происходить смена блюд. Собирайтесь на свой кастинг, посмотрим, как у вас сегодня, получится нанять нормальный персонал. К счастью в данной ситуации цена ошибки меньше, вы просто рискуете завалить проект, и вряд ли из-за этого будет изуродована детская психика. Но все же. Я продолжаю ждать от вас успешного доказательства того, что вы способны не только говорить умные мысли, но и совершать правильные и мудрые поступки. Я вас покидаю, так как уже опаздываю. Скажите Регине, что завтрак, как всегда был восхитителен, – Президент Волков удалился из-за стола, оставив молодежь в одиночестве.

– И почему он производит адекватное впечатление, когда общается с нами, – задумался Сашка, – а когда общается с избирателями отключает в себе эту функцию. Всю эту мутатень понимает от и до. И все равно не замечает ее.

– Потому что электорату, – сказала Женья, – нужен тот, кто будет общаться с ним на одном уровне. Согласись, что в ситуации с дорожной аварией вопрос встает между одним избирателем и пятьюдесятью. А то что толпа совершенно не может соображать уже никому не докажешь и не обоснуешь.

– Перестаньте, – вмешался Максим, – с чего вы взяли, что весь народ туп?

– Мы это за аксиому не принимаем, – ответил Сашка, – а вот папочкины заместители на полную катушку.

– Нонсенс, – заметила Женья, – умный человек в плену идиотов... Хватит. Сейчас и я на занятия опоздаю с вами. Сами то едете?

– У нас пустой день сегодня, – сказал Максим, – мы поедем сразу в штаб.

– Везунчики, – ответила Женья, – и как у вас на разных факультетах это совпадает?

– Президентское везение, – заключил Сашка, – это такой особенный бонус, доступный только избранным, разве нет? – он посмотрел на недовольную мину Жени, – да шучу я, просто договорились с деканом, чтобы у нас сильно расписание не разъезжалось.

– Дурацкие у тебя шутки, вот что я тебе скажу, – ответила недовольная Женя.

За прошедшие месяцы Волков-младший особо не изменился. Гибель матери и Олега, случившуюся по его вине, он смог пережить, быстро забыл (скорее всего потому, что Паулина Вульф его не воспитывала) и вернулся к старому курсу. Правда теперь, чаще всего брат и его жена за завтраком поддерживали резкие и острые пощипывания президентской гордости. Тот сопротивлялся, но в основном, принимал сторону детей, соглашался, но, в конечном счете, поступал так, как считал нужным. Волков как никогда держался за семью и даже старая история с журналистом (а о том, что тогда в аэропорту по его приказу вторично ухlopали Паулину Вульф он и не подозревал) не давала Президенту заподозрить милых детишек в чем-то преступно непотребном. Все это обстояло именно так, по причине глобального одиночества Президента. По сути, его вечным собеседником был он же сам. В облике Премьер-министра. Но поскольку эти посты занимал один и тот же человек, о чем знало ограниченное количество людей, то и общества у главы страны по сути не было вовсе. Марат Сулянин последнее время сильно отдалился от него, и это было происками его жены, Натальи, отлично знавшей всю подноготную истории с журналистом и его гибелью.

Когда Сашка и Максим решили заняться самостоятельным набором сотрудников в главный офис своего «Десанта» они и представить себе не могли, с каким контингентом и в каких количествах предстоит столкнуться. После пяти часов общения с одинаковыми лицами, в послужных списках которых значилось великое множество достижений на следах других проправительственных молодежных организаций, братья осознали ту пропасть, в которую летят:

– Нам нужен перерыв. Домой ехать некогда, придется проверить на съедобность этот «Дроссельшмайсерз», что отсюда в двух шагах, – сказал Сашка, – главное, чтобы потом об этом Регина не пронюхала, а то обидится.

Следует рассказать о том, что из себя представляло это занятное предприятие общепита. Шесть лет назад в Озерск пришел немецкий фастфуд, имевший самую большую сеть ресторанов быстрого питания в мире. Не знаю по какой причине – но престарелых жителей города не смутил символ сети в виде буквы D стилизованной под свастику, характерного вопля кассиров о том, что он свободен:

– Дроссе Фрайхайт! – и выбрасывание прямой правой руки под углом сорок пять градусов прижав ее сначала ладонью к груди (Вы поняли кого они тем самым изображали). Был слух, что за выбрасывание левой руки могли без разговоров уволить. Ну и конечно – огромный любимец всей детворы и любимая ростовая кукла Дросселя, просто символ кафе – большой плюшевый Адольф Гитлер два метра высотой. Первое время бабушки конечно долго писали кипятком от бешенства, когда их малолетние дети утверждали, что хотят быть Адольфом Гитлером, когда вырастут, но их быстро успокоили, так как образ Гитлера был давно выкуплен Дроссельшмайсерзом и любое использование этого имени и образа влекло за собой судебные проблемы разной степени тяжести. После угрозы судебного преследования все успокаивались и благодарили владельцев Дросселя за то, что они, сделав из символика третьего рейха хорошо продаваемый брэнд, уничтожили все нацистские и фашистские партии во всех странах, где появлялись. За любое использование свастики, символика, Гитлера адвокаты Дросселя доставали откуда угодно и умудрялись так затрахать мозг несчастным недонацистам, что очень быстро все подобные явления самоустраились от страха и ужаса перед судебным преследованием. Ну и стоит отметить, что 9-е мая и 1-е сентября праздновались в Дросселе как особые праздники. Так что все фанаты вахт памяти всегда приходили на праздничные манифестации с дросселевскими кепочками. А вот 30-го апреля

был любимым праздником у детишек – за каждый детский обед полагался плюшевый Гитлер с траурной повязкой.

Ассортимент сэндвичей ресторана был нетривиален – классическое самолетное мясо-курица-рыба активно использовалось в меню и отклонения случались редко. Классическим набором был Гроссе-дроссель (две котлеты, овощи, сыр), филефиск, гроссефриттен и кока-кола-грос. (откройте, наконец дойчен-дикшенери, я задолбался переводить). Летом в ассортименте появлялась линейка сэндвичей «Фреск» (овощей в сэндвичах было больше и имелись свежие огурцы). Вот собственно и все.

Персонал этих ресторанчиков всегда состоял из позитивных ребят, которые улыбались столь искренне и честно, что хотелось приходить снова и снова. По традиции Дросселя на весь зал надрывалась Наталья Ветлицкая. Это было уже просто пунктиком – во всех Дросселях Большой страны включали песни этой певицы. Тут возможны две причины – либо голос, и ГЛАВНОЕ тексты сей великой певицы возбуждали аппетит, или у хозяев кафе были стойкие ассоциации между Натальей Ветлицкой и Адольфом Гитлером. (Здесь авторская ремарка – госпожа Ветлицкая, я Вас очень люблю и даже пара ваших песен звучали при написании этих строк, но использовать кого-то другого посчитал скучным и банальным).

Получив свои стандартные порции, президентские дети заняли самый укромный уголок, чтобы их, не приведи макаронный монстр, никто не узнал и стали быстро обедать.

– Я пока не могу понять, – заговорил Максим, – они что, ВСЕ такие будут? У них же на лицах написано, что все свои достижения они заработали благодаря связям родителей и собственным способностям к лизоблудству...

– Такое ощущение, что нормальные люди, – ответил Сашка, – просто не верят в вероятность существования чего-то стоящего и при этом созданного государством. Судя по всему, на мое имя идут только вот такие. Но они же и половины того, что я позволял себе говорить в публичных выступлениях, не понимали в принципе.

– Будем надеяться, – ответил Максим и тут потерял дар речи. Прямо перед ними появился огромный Адольф Гитлер с воздушным шариком. Под руку он держал девочку двенадцати лет:

– Эта юная леди боялась подойти к вам и попросить у вас автограф, – сказала кукла Гитлера, – я решил ей помочь.

– А с какой стати? – возмутился Сашка.

– Ну... не каждый раз видишь в реальной жизни сына президента Волкова.

– И правда, – скривился Волков-младший, – только тут вы ошиблись. Я не его сын, просто похож. Неужели вы всерьез думаете, что настоящий Александр Волков будет обедать в обычном фастфуде?

Девочка засмушалась, а Гитлер понял, что здорово ошибся:

– Извините, – сказал он и удалился вместе с девочкой.

– Это очаровательно, – заметил Максим.

– Его облик, или тот факт, что у меня требовали автограф?

– Все в комплекте. Не каждый день к тебе обращается с просьбой сам Адольф Гитлер.

– Да еще и в обществе молодой Евы Браун, – недовольно сказал Сашка, – доедай, пока он сюда Геббельса не привел! Давай бегом, а то я в офисе включу Ветлицкую, чтобы бережно сохранить атмосферу сумасшедшего дома.

– Я думаю сюда есть смысл ходить обедать, – заметил Максим, – вполне съедобная еда.

– И при этом, объявляемая борцами за здоровый образ жизни ужасно вредной.

– Никогда им не верил. Порой мне кажется, что их нанимают другие компании, у которых цены выше. Это как с кошачьим кормом – можно купить недорогой и вполне качественный, но все с пеной у рта доказывают, что обязателен «премиум-класс». При том, что порой

этот пресловутый «премиум» на поверку оказывается таким же по качеству, как и дешевый. Просто оплата бренда и все.

– Дагни не выносит брендовые корма так же как ты терпеть не можешь одежду из бутика...

Вернувшись в контору, они обнаружили, что поток людей не иссякал, их становилось все больше и больше. Тут Сашка решился на небольшую хитрость:

– Господа! – сказал он, – мы постараемся принять всех, но хотелось сразу предупредить вас о том, что нам поступила информация о серьезном сокращении финансирования от партнеров. Мы не будем урезать ставки, но при этом вынуждены будем сократить денежное пособие и премиальные. Так что работать придется за голую ставку, – и ушел в кабинет для совещаний.

– Зачем ты это сделал? – спросил Максим.

– Чтобы упростить задачу. Сейчас большая часть паразитов смывается, так как в большей степени они заинтересованы не в результате, а в размере получаемого денежного вознаграждения. Через десять минут выгляни в коридор и сравни.

Вскоре количество претендентов действительно уменьшилось в разы, и работа пошла легче, кроме того наконец-то удалось найти хоть кого-то стоящего. Одним из последних на собеседовании появился молодой мужчина, немного сутулый, в очках, с темными волосами и немного грустным взглядом. Он сразу привлек внимание Сашки, поскольку на вопрос о своей цели трудоустройства заявил:

– Я хочу попытаться убедить себя в том, что в нашей стране еще могут существовать нормальные молодежные движения, а не сборища бездельников. И кроме того, было бы интересно поработать с Вами Александр, чтобы сравнить экранный образ с реальным. И ваши слова во многом я поддерживаю. Хочется помочь Вам их реализовать.

– У Вас есть опыт работы в подобных организациях? – спросил Сашка.

– Упаси боже. С таким опытом я бы вам тут был бесполезен.

Мужчину звали Герман Соловьев. Самым странным, что он пришел с рекомендациями из городского правительства:

– Почему, – спросил Максим, – при наличии рекомендаций городского правительства, не добились аудиенции через моего тестя, и просидели здесь длинную очередь?

– Скорее всего потому, – ответил Герман, – что я не люблю использовать свои связи. Достаточно и этой бумажки, которую я и брать с собой не хотел. Хочу доказать себе и окружающим, что в нашей стране такое еще возможно.

– Берем, – не задумываясь сказал Сашка, – наконец-то я услышал то, что ожидал сегодня весь день. Вы согласны работать управляющим штаба? Ведь мы с братом можем курировать работу, но пока что учимся, и потому находиться здесь круглые сутки не способны.

– Разумеется, – кивнул Герман, – для меня это будет большим удовольствием.

В этот момент распахнулась дверь, это пришла Женя Сулянина, которая не пожелала оставаться дома одна и потому отправилась к братьям, чтобы помочь им в работе, либо утешить их поужинать:

– Дорогие родственники, – сказала она, – вы нашли кого-нибудь, кого мне показать не стыдно? – увидев Германа она стушевалась, – ой, извините, я не сразу заметила... Ты?

Герман кивнул и загадочно ей улыбнулся. В следующий момент они обнялись как старые друзья, Сашка и Максим не заметили, как Соловьев что-то шепнул Жене на ухо:

– Как это возможно?

– Ты же знаешь, что пути неисповедимы на этом свете, – улыбнулся Герман, – как учеба? Семья? Беременность? – он кивнул на братьев.

– Не жалуюсь. Кормят, лелеют, про ребенка говорить запрещают интенсивно, считают, что я слишком часто о нем говорю.

– Извините, – сказал Максим, – можно немножко пояснить происходящее здесь?

– Не проблема, – ответила Женя, – А... Герман сын очень хороших знакомых моей матери. Его мать, кстати, совсем недавно переведена из региона на высокий пост в городском правительстве, – тут она почувствовала, что Соловьев ущипнул ее, намекая, чтобы она остановилась.

– Ты можешь помолчать, – процедил он сквозь зубы, – я пришел сюда продавать свои способности, а не мою маму с ее связями. Знаешь же, что из родной провинции я сбежал только по этой причине.

– Волшебнo, – заметил Сашка, – то есть у Вас...

– Можно сразу на «Ты»? – спросил Герман, – не люблю такой официоз, даже несмотря на разницу в возрасте.

– Не проблема, – ответил Волков-старший, – просто я так понял, что запас витамина Б у тебя гораздо больший, чем ты показал. Очень надеюсь, что я не ошибся, взяв тебя управляющим...

– Ты его взял управляющим, – воскликнула Женя, – серьезно?

Сашка кивнул.

– Я не удивлена. Либералы очень хорошо чувствуют друг друга в толпе. Я думаю, что это надо отметить. Не находите? Вы же очень хотите есть. Поедем в «Гостиный двор», там открыли неплохую забегаловку. Герман, ты обитаешь у мамы?

– Разумеется, нет, – ответил Герман, – я снял квартиру в Петраково.

– Где? – хором ахнули все трое.

Упомянутый район являлся глухой юго-восточной окраиной Озерска, лишенной метро и застроенной старыми панельными домами с малогабаритными квартирами.

– А что вы удивляетесь, – ответил Герман, – вот разбогатею на вашей работе, и перееду сразу на Капицы. Ну хорошо, согласен и на какую-нибудь «Звездную». Там неплохой райончик.... Наверное...

По прибытию на место будущего ужина, Женя отправила братьев в ресторан занимать столик, а сама поехала в обществе Германа парковать автомобиль. Когда они поднялись в ресторан от глаз Максима не укрылось странное состояние жены:

– Дорогая, – спросил он, – чем тебя так загрузил наш управляющий?

– Просто не самые приятные новости об одном общем знакомом, – грустно сказала Женя, – я и не знала, что он погиб в том поезде...

– Да, – заметил Герман, – для меня это тоже было потрясение, как и то, что случилось с ним до этого, – тут он закрыл глаза, после чего достал тубу с таблетками, – вода есть?

Сашка налил ему в стакан минералки и придвинул его:

– Мигрень? – поинтересовался он.

– Нет, – ответил Соловьев, – аллергическое... Стараюсь не вспоминать. Если бы я был в Озерске в это время, то, наверное, не дал бы этой истории так закончиться. Хотя он бы и не принял помощи, все и всегда сам. Категорически...

– Так, – вставила Женя, – прекращаем тут драму и делаем заказ. Надо обмыть ваше удачное приобретение. Потому что когда об этом узнает папа, он будет долго возмущаться...

– Можно ты не будешь дяде Марату этого пока говорить? – спросил Герман.

– А мама не расскажет ему? – удивилась Женя.

– Мама не в курсе, что я в Озерске!

– Но при этом письмо сделала, – заметил Сашка, – что-то вы скрываете от нас, как мне кажется.

– А ты осмотри письмо получше. Она мне его сделала, считая, что я буду устраиваться в нашей провинции. Так что у меня просьба, давайте без участия родителей играть. Договорились?

Все трое кивнули. Сашка наблюдал за Германом и его не отпускало уважение и личная симпатия к этому человеку. По сути, они взяли его на должность еще до появления Жени. А он оказался почти что членом семьи... Жизнь иногда бывает совершенно непредсказуемой...

* * *

Дешевые выцветшие обои попадали в поле ее зрения сразу после пробуждения. Все, что окружало здесь вызывало отвращение. Так хотелось поскорее поймать удачного всадника, что унес бы из этого рассадника куда подальше. Но пока что ничего не срасталось и тонуло в бездонных потоках фальши. Ежедневные заботы о брате, которого поскорее хотелось пристроить в интернат или кадетский корпус, раздражали и бесили. Ведь не она его рожала и не обязана нести ответственность, все мысли об этом ее беспощадно косили. Но мать, в очередной раз сорвалась в свою командировку, из которых не вылезала. Потому весь домашний быт висел на Светлане мертвым грузом с вокзала. Она как не хотела, не могла его с себя сбросить, так как не считала себя обязанной держаться за него...

Приподнявшись на кровати, Багрицкая вдохнула воздух, и в нос резко ударил запах кошачьей мочи. Судя по всему, милый кот снова пошалил и придется убирать, хоть от бешенства кричи. Брата все равно не заставишь.

В какой проклятый день мне подарили этого хвостатого ублюдка на день рождения? За что? Светлана проклинала все на свете и медленно оглядывала комнату словно искала источник своего непрекращающегося раздражения. Все вокруг утомляло и бесило, перекручивало и вызывало один только рвотный рефлекс. Вроде и делать ничего не нужно, сиди себе и в потолок плюй. Идти на работу ей не требовалось, после увольнения из детского дома было предпринято несколько тщетных попыток трудоустройства. Проклятый Арсений разрушил ее карьеру и продолжал вредить даже из смердящей могилы. Хотя, чего этой кучке пепла источать запах. Ведь он заживо там сгорел. Как же Светлана внутренне радовалась, когда узнала, что он взлетел на воздух с этим поездом. Это нежное и приятное чувство, когда понимаешь, что светлый путь расчищен и ни одна черная глупая кошка не попытается перебежать тебе дорожку. Словно на нее уже постелили роскошный ковер и надо идти дальше, не останавливаясь и не оглядываясь назад.

Тут Света увидела своего младшего брата Лешу, который смотрел на нее с загадочной улыбкой, а сам поглаживал свою игрушку, которая недавно у него появилась. Это был черный металлический пистолет, выглядевший почти как настоящий. Такой же блестящий, тяжелый... Но игрушечный. А маленький ребенок стоял посреди комнаты в своей ночной сорочке, босой, вымазанный в какой-то отвратной гадости?

– Я хочу есть, – сказал пусто Леша.

– Почему ты не в школе? – возмутилась Света, – и почему не умоешься, выглядишь как чушка! Грязнуля...

– Я не нашел ключи от квартиры, ты их куда-то убрала. Давай поиграем?

– Во что, – огрызнулась Багрицкая, – тебе в школу надо идти! Сейчас же одевайся.

– Нет, мы поиграем, – сказал Леша и наставил свой пистолет на Свету, – я бандит, я тебя похитил. Отдавай мне свои драгоценности!

– Леша! Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не наставлял на меня этот пистолет. Пусть даже игрушечный! С такими вещами не играют.

– Он не игрушечный, – прошипел Леша и Света заметила, как голос его изменился, стал более взрослым. Словно это говорил не сам мальчик, а кто-то за него, – и ты больше не сможешь меня обидеть. Момент истины наступил. За все свои прегрешения надо платить втридорога, Света. Прошлое беспощадно нагоняет тебя...

Ребенок быстрым хорошо натренированным движением руки снял пистолет с предохранителя и незамедлительно выстрелил. Светлана не успела отреагировать, так как не ожидала боевого выстрела в подобной ситуации. Пуля пробила лоб Багрицкой оставив по окружности вхождения отверстие. Кожа и волосы по касательной быстро опалились, а из раны выскочила струйка крови, забрызгав десять раз перестиранную простыню, бывшую в девичестве бежевой, сейчас пребывавшую в неестественно белоснежном состоянии цвета. Голова Светланы слегка качнулась, через мгновение с ее задней стороны от удара выскочил кусок черепной кости, и в стену ударила смесь из крови и мозга. Все-таки, в голове у тупой блондинки плавало хоть немного серого вещества. Возможно в нем рождались не самые умные мысли и этим приспособлением хозяйка пользовалась, не задумываясь о последствиях, но сейчас уже не было возможности, чтобы это сделать или исправить положение.

Струя из головы врезалась в стену и оставила на обоях огромный след с разводами. В воздухе некоторое время повис сладкий запах селитры. Стало тихо. Тело Светланы рухнуло навзничь на кровать, пружины интенсивно закрипели под телом, постельное белье взмыло над ней легким текстильным облачком. Руки несколько мгновений дернулись в последней судороге. В следующий момент по комнате побежал запах свежей мочи, смешавшийся с уже присутствующим кошачьим духом.

Леша развернулся на месте, не поведя глазом. Прошел в свой угол, положил на письменный стол пистолет, снял ночную сорочку, оделся в школьную одежду... Посмотрелся в зеркало, поправил воротник рубашки, взял пистолет и положил его в ранец. Потом медленно прошуршал в ванную комнату, где умылся и отправился в прихожую, где осторожно обулся, одел легкую осеннюю курточку и быстро вышел, оставив входную дверь открытой настежь...

...Этим утром Андрея Ефремова стали посещать странные мысли с самого пробуждения. Каждый раз, когда он окидывал взглядом свою грязную конуру, которую было некогда убрать, то вспоминал, что в свое время Арсению не составляло особого труда содержать этот теремок в абсолютной чистоте. Уже почти месяц он обитал в этой дыре, поскольку ездить в город из Подосинок каждый день слишком долго и накладно. Кроме того, Ефремова начала утомлять его мама Инна Васильевна с ее длинными и пространными разговорами о необходимости женитьбы. Но новая работа на городской департамент строительства отнимала значительно больше сил и времени, и потому мысли о возможном браке убирались на задний план и быстро забывались. Тратить три минуты в час не удавалось, поток бумаг, ответственности и требований резко взмыл в воздух, подобно огромной ракете. Ефремов занимался документооборотом строительства детских садилов, вел отчетность, отвечал за соглашения с поставщиками и государственный контроль сдачи. Городская власть требовала срочного решения проблемы недостатка дошкольных учреждений и потому приходилось трудиться круглые сутки. Слабо привыкший к такому ударному труду Ефремов, регулярно брал больничные, чтобы позволить себе расслабиться, однако, походы в отель для утоления физиологических потребностей прекратились. Дело в том, что после известия о железнодорожной катастрофе Андрей впал в шоковое состояние и все его мужские способности сошли на нет. Каждый раз, пытаясь задуматься об интимных отношениях, он вспоминал Арсения, и уже ничего не могло получиться...

Новый курятник оказался почти копией предыдущего, с той разницей, что в нем царила странная и непрекращающаяся конкуренция между сотрудниками. Андрею, будучи начальником отдела, приходилось наблюдать множество эпизодов, когда его подчиненные пыта-

лись в открытую добиться его расположения в ущерб интересам кого-либо стороннего. В результате он оказывался в гуще страстей, в условиях которой каждый пытался утопить своего соседа и сорвать максимальный банк от случившегося.

Этим неприятно хорошим утром, придя на работу, Ефремов сразу заметил странное состояние коллег. Их обычной реакцией на его появление становилось нормальное для департамента явление для доклада шефу о произошедших событиях. А тут вся делегация доносчиков игнорировала Андрея, словно он и не приходил вовсе. Около одиннадцати в кабинет заглянула секретарша и сообщила:

– Вас к начальству вызывают. Новая руководитель департамента хочет познакомиться.

– А как же Кухарская? – ужаснулся Андрей.

– Мы сами в шоке, – ответила секретарша, – утром ее сняли и уже назначили новую. Говорят, очень толковая тетка. Поднимитесь к ней.

Ефремов задумался. Вот в чем была причина перемены поведения любимых сотрудников. Они заняли выжидательную позицию, чтобы понять, не слетит ли их начальник следом за своей фееричной покровительницей, которая покинула свое кресло даже не успев взвизгнуть словно поросенок в печи. Сомнительно, что после такого головокружительного падения Кухарская смогла бы куда-то устроиться.

Андрей вошел в лифт и посмотрел на свое безупречное отражение в зеркале. В принципе, сойдет. Он всегда нравился женщинам в возрасте своей чопорностью и серьезностью, так что и эта будет не исключением. Кроме того, он показал себя, как отличный сотрудник, его отдел никогда не получал по шапке на планерках. Чего бояться то?

В приемной было подозрительно тихо. Андрей постучал в дверь, на которой еще вчера висела табличка с фамилией Кухарской, и услышал:

– Входите, – голос был приятным, но в то же время ужасно знакомым. Где он мог его слышать? Он точно раньше слышал его. Что за наваждение?

Ефремов вошел в кабинет. Женщина сидела в кресле, лицом к окну и спиной в кабинет. Ее поначалу не было видно:

– Присаживайся, – сказала она. Это удивило Андрея. Впервые он сталкивался с начальницей, которая сразу переходила с подчиненным на «ты», еще даже не установив с ним зрительный контакт.

Момент поворота кресла длился немыслимо долго. Все это потому, что он тоже стал во многом ключевым в истории жизни Ефремова. Когда Андрей увидел сидевшую в кресле женщину, то чуть не упал в обморок. Сердце стало биться учащенно, в висках загрохотало, а пол под ногами стал раскачиваться.

– Ну здравствуй, дорогой зять, – сказала Ирина Иосифовна Савельева Ефремову, – или мне называть тебя невесткой? Что ты стушевался, присаживайся, чай не чужие люди. Садись, расскажи мне, как ты подчистую уничтожил своим предательством жизнь моего любимого единственного сына Арсения...

* * *

Минувшие месяцы стали в жизни Пашки одними из самых неприятных. Мать вернула сына на квартиру к бабушке и попросту забыла о нем. Старая женщина постоянно напоминала ребенку о том, сколько он успеет съесть и что ему следует катиться к матери. Только никто не знал где она и не подозревал, что все это время Виолетта Игоревна пребывала за рубежом и проходила курс симптоматического лечения СПИДа. Но ее состояние постоянно ухудшалось, а денег на хоспис не оставалось.

За лето Пашка успел завалить оставшиеся экзамены, перед ним маячила вполне очевидная перспектива службы в вооруженных силах. Но старший брат успокаивал его:

– Не бойсь, мы тебя спрячем. А потом мамка купит тебе военный билет, как и мне. Поверь, у нее куча связей и знакомств, – а далее следовал весьма обстоятельный курс обучения жизни «по понятиям», что расходилось с воспитанием, заложенным Андреем и Арсением, но «это семья», ее нельзя критиковать, надо терпеть, брат особенный и так далее. А то, что он гонял по городу на дорогой машине без прав и страховки являясь при этом безработным, обсуждать было запрещено, так как брат у тебя один, это все семейные дела и так далее.

Пашка успокаивал себя мифическим военным билетом, а вечерами долго не мог уснуть. Он вспоминал Арсения, то как тяжело пережил известие о его гибели в ужасающей железнодорожной катастрофе. Когда ему сообщили, то Пашка впал в дикую истерику, на которую бабушка отреагировала сухо:

– Нашел по кому слезы проливать. Он тебе никто. Подумаешь, жили в одной квартире четыре года. Он ведь не за бесплатно это делал. Так что радуйся лучше. Бери пример с брата, вот как он за своим здоровьем следит, – тот действительно активно занимался в качалке, но бабушка не подозревала, что его восхищали качки-секьюрити одного криминального авторитета и он втайне мечтал сам оказаться в таком амплуа. Оттуда же и брались большие деньги в его кармане.

На новом старом месте взрослый ребенок, которого приучили к тому, что он еще маленький, оказался никому не нужен. Брат смотрел на него с нескрываемой иронией и обучал криминальным университетам, а бабушка и вовсе была индифферентна, лишь подсчитывала свои расходы на его кормление.

Очень скоро, с подачи ехидно наблюдавшего за этим братом, Пашка открыл для себя способ справиться с внутренней болью и переживаниями. Родной брат не стал особо жматься, и потому открыл для горячо любимого близкого родственника доступ к своей коллекции спиртного. Вскоре, спокойно засыпать после двух рюмок вискаря, стало для Пашки нормой. Он спокойно прикладывался к бутылке, даже не подозревая, что она покупается на деньги от продажи угнанных автомобилей.

Следующим этапом падения стали наркотики. Очень скоро Пашка выследил место, где в квартире брат прятал свои существенные запасы веселого порошка и травки. Поначалу он боялся крепкого коктейля и ограничивался косячком марихуаны. Но позднее это перестало помогать бороться с чувством вины и безысходности. Как раз в тот самый момент произошло обнаружение братом доступа Пашки к запасам. Тот рассудил, что если младший тоже попробует что-то серьезное, то от него не убудет. Ведь сам Игорь впервые вкатил себе, когда ему было семнадцать.

Первый месяц Пашка катался на амфетамине. В это время он стал замечать за собой полную потерю интереса к жизни. Практически перестал встречаться с Мариной, все время проводил в комнате за компьютером. И тут Игорь раздобыл где-то запас героина высочайшего качества:

– Смотри, – сказал он Пашке, – этого топлива нам с тобой хватит на месяц. Это просто идиллия будет!

Поскольку сам Павел уже давно жил где-то за пределами реальной жизни, то сообщение о топливе он воспринял как возможность продолжать жить внутри иллюзии. Совесть и воспоминания об Арсении его не посещали, мать не замечала метаморфоз с сыном, поскольку по-прежнему находилась вне зоны досягаемости, а бабушке было все это по барабану...

Тем роковым утром Пашка очнулся ранним утром в странном состоянии. Его неистово влекло к новой порции белого порошка, что оставался еще в приличном количестве. Решив не дожидаться Игоря, который, по обыкновению не ночевал дома, Павел сам занялся разведением зелья и вводом его через шприц.

Видимо, принятая доза оказалась чрезмерной. Эффект от героина отличался от всех предыдущих случаев и бил все рекорды аттрактивности. Пашка почувствовал себя большой и могучей птицей, на мощных крыльях которой хотел улететь в дальние края, где не будет людей. Только он, и свобода.

Полет. Пашка хотел летать. Наркотик пробуждал в нем странные и немного наивные фантазии. Позволь прекрасным крыльям вырасти у тебя за спиной и легким движением взмахнуть ими вверх, воспарить вперед, к небесам, совершенству.

Пашка вскочил на стол и осторожно прошествовал к подоконнику, дернул за рычаг и открыл окно. Свежий воздух ворвался в полутемное затхлое помещение. Вот она настоящая свобода, что влечет тебя своей бесконечностью и потрясающей красотой. Больше никто не скажет тебе, сколько ты съел и сколько это стоило. Прямо сейчас ты дашь себе настоящую, искреннюю возможность добывать необходимое пропитание самостоятельно. Вперед, огромная гордая красивая птица! Тебе подвластен свободный воздух.

Пашка оттолкнулся от подоконника, взмахнул крыльями, и только оказавшись в открытом пространстве понял, что не летит, а падает под действием своей силы тяжести. Человеку не дано стать птицей и улететь. Наркотическая эйфория обвалилась в кошмар. Картинка величия рассыпалась, превратившись в скоростное нисхождение. Из его рта вырвался предсмертный вопль, который обжег окрестные дома и пробежался по округе угрожающим и страшным эхом.

Раздался хлопок, который окончательно прервал его земной путь. Пашка упал из окна с шестнадцатого этажа...

Тело увезли в морг. Бабушка и Игорь не пожелали ехать в больницу. Туда примчалась обезумевшая от горя Виолетта, по столь трогательной причине быстро себя обнаружившая. Вскоре ей сообщили о причинах гибели сына:

– Он выпал из окна в состоянии наркотической эйфории...

Виолетта упала на скамейку и забилась в рыданиях. И тут раздался голос:

– Полагаю, вы довольны тем что случилось? – это была Таисия Николаевна Суворова, которая узнала о случившемся по своим каналам, – если бы вы не забрали его у Арсения, ничего бы этого не случилось.

Виолетта часто дышала и не могла собраться с силами и ответить:

– Четыре года о нем заботились, у Паши было все, о чем было только можно мечтать. И тут...

– Что тут? – нашла в себе силы Виолетта, – я узнала о том, что ваш Арсений был извращенцем... Он мог повлиять...

– Паша все знал! Что он мог сделать, если за столько лет ваш ребенок ни разу не проявил в себе развития гомосексуальности. Что за абсурд? Вы просто боялись огласки. Того, что все выплывет наружу и на вас будут показывать пальцем.

– Я не могла позволить...

– Поздно. Теперь-то, перед лицом случившейся трагедии, найдите в себе силы признать вину. То, что случилось целиком на вашей совести. Вы сами раскопали котлован, купили гроб и заказали оркестр, чтобы достойно похоронить своего сына.

И тут Виолетта сорвалась. Она упала на колени Суворовой и зарыдала:

– Да, это я виновата, – давила из себя Виолетта, – по моей вине он оказался рядом с братом. И я не смогу ее загладить ни перед ним, ни перед Арсением...

В этот день Таша отпросилась в детском доме на утро, чтобы решить проблемы домашнего характера, и потому приехала на работу только к обеду. В фойе ее уже поджидали нехорошие новости. Администратор сообщила ей:

– Звонила Таисия Николаевна и просила вас предупредить, что она в больнице.

– С ней что-то случилось? – испугалась Таша.

– Не с ней. Паша погиб...

Словно огромный снежный ком упал на Наталью и рассыпался в прах. Она только отошла от своего шока в связи со смертью Арсения. Как долго она бегала по опознаниям, пока не получила подтверждение, что его вагон был выжжен взрывом полностью и в нем никто не мог выжить, так как не осталось даже зубов... И вот теперь это. Таша не могла обвинить себя в том, что все так закончилось. Потому что во многом была лишь обычным зрителем этой истории. Но совесть все равно тихо канючила в сторонке, напоминая ей, что действуй ты поактивней, то может быть и кто-то из них остался в живых...

Таша примчалась в клинику сразу, как только получила сообщение. Суворова ждала ее в приемном покое, по ее лицу было видно, что она долго плакала:

– Как это случилось? – сразу спросила Таша и Суворова пересказала ей невеселую историю гибели Пашки.

– Он сидел на этой гадости уже около полутора месяцев. Брата арестовали, и он сознался. Выяснилось, что он торговал этой дрянью...

– Какой ужас, – только и смогла сказать Наталья.

– Я не оставлю на этом подонке живого места, – сказала Суворова с ожесточением, – этот Андрей Ефремов поплатится за свою подлость. Он один не несет никакой ответственности за цепь этих трагедий.

– Но ведь не он забрал ребенка у Арсения, – сказала Таша и на секунду задумалась, – а откуда вы знаете о роли Андрея в этой истории?

– А я, по-твоему, совсем круглая дура и ничего не замечаю? Полагаю, что это не самый лучший способ указать мне на собственную глупость. Разумеется, я все знала и достаточно давно...

– Но все-таки, почему вы хотите разделаться с Ефремовым, он же просто позвонил Виолетте и все ей рассказал.

– Вот именно, – ответила Суворова, – какого дьявола он втянул во все это Пашкину мать? За каким дьяволом рассказал ей всю правду? Чего этим хотел добиться? Оставить Арсения одного?

– Нет, – ответила Таша, – он пытался отделаться от любой ответственности. Хотя, она все равно его настигает, с того момента, как Арсений погиб в этой аварии...

– Ты себе представить не можешь, – сказала Таисия Николаевна, – каково мне от этой ситуации. Я не рискнула влезть в нее сразу, а стоило. Я бы ему устроила карьерный рост... А теперь у нас на руках уже два трупа, и все это прямое следствие безответственности этого типа. Не удивлюсь, если скоро будет третий. Пашкина мать сегодня выглядела очень плохо, я даже подумала, что она больна.

– Кстати, о Виолетте. Где она сейчас, – удивилась Таша.

– Уехала, – сказала Таисия Николаевна, – сказала, что у нее есть неотложное дело. Какой цинизм, не в состоянии отменить дела, когда тут такое происходит...

– В больном виде? Она не рассказала подробностей?

– Разумеется нет, – фыркнула недовольно Суворова, – может опять клиент нарисовался...

– Так вы и это знали?

– Конечно, – ответила Таисия Николаевна с загадочной улыбкой, – с моими то связями я могу узнать очень многое. Так что в данной ситуации я отлично понимаю, что мать-проститутка, которая побоялась огласки, забрала ребенка у пары двух геев. И самое страшное состоит в том, что общественное мнение будет на ее стороне в этой позорной ситуации. Пусть лучше о нем заботится бесстыжая мать, чем однополая пара. Какая же это мерзость... И в самом деле, куда ее могло понести в таком состоянии?...

Инна Васильевна Ефремова тоже с утра чувствовала, что этот день будет насыщен разными неприятностями. То ли странная погода, то ли навязчивая головная боль давали понять, что ничего хорошего от него не следует ждать.

Рутинное утро заведующего детским садиком не особо отличалось от других таких же одинаковых дней в череде календаря. К середине дня Инна Васильевна уже была достаточно вымотана, времени на обеденный перерыв катастрофически не хватало, поскольку за несколько дней накопилось некоторое количество важных документов, требовавших незамедлительного срочного рассмотрения. Когда же в ее скромном тесном кабинете появилась странная женщина среднего роста, с распущенными поседевшими волосами, уставшим взглядом и нервным расположением духа, то Ефремовой и в голову не могло прийти, что вот он, явился ее долгожданный палач, что возьмет ее душу и вывернет ее наизнанку. У Инны Васильевны внутри все похолодело. Она постаралась сдерживать себя, присела в свое кресло и стала слушать то, что говорила женщина:

– Инна Васильевна, здравствуйте. Я пришла поговорить с вами. Речь пойдет о вашем сыне Андрее, – сказала Виолетта и села на стул, не дожидаясь приглашения, – это очень важно, и вы выслушаете меня.

А цыпленок начал расти, обычных зернышек ему стало мало, из него должен был вырасти красавец-петух!

17. Личное

*Мой самолет приземлился,
на темной стороне твоей души.
Те что жить во вчера не могут,
Опираются на сегодня.
А вчера уже не существует,
Они исчезли в морской буре.
А завтра не принесет ничего,
Кроме безнадежной надежды и безумия...*

Current Music – Rona Nishliu – Suus

Жалюзи осторожно закрывали помещение от проникающих солнечных лучей. Белые металлические пластины мягко покачивались от легких порывов ветра, проникавших, через приоткрытое окно. Под потолком шуршал вентилятор. Прикрепленная к нему лампа дневного света покачивалась от вибрации. Циркулировавший по кабинету воздух плавно поднимал пыль и растворял ее в пространстве.

Ирина Иосифовна Ефремова всегда была человеком, скрывающим свои эмоции. Во многом была достаточно холодной и спокойной. Разозлить или довести до слез эту женщину было совершенно невозможно. Именно поэтому она смогла сделать успешную карьеру на ниве государственного управления. Правительство Озерска давно претендовало на нее как на специалиста, но Ирина Иосифовна до последнего сопротивлялась, предпочитая столице спокойную и тихую северную провинцию. Но, в конечном счете, принятый в государстве закон о ротации, предполагавший переезд чиновников с места на место, вынудил ее принять решение о переезде в Озерск из-за того, что нежелание оказаться в каком-нибудь захолустном центре субъекта, в котором всю службу придется строить с нуля, в конечном счете пересилило её.

– Андрей, – сказала Савельева, – таких хитрецов как вы я видела очень много и успела составить свое мнение на ваш счет. Не скрою, когда мой сын нас познакомил оно было несколько лучше, хотя меня и смущало ваше место работы...

– Но вы же сами работаете в этой среде, – изумился Ефремов, – и говорите такое...

– Я не заканчивала управленческий факультет, зато видела множество выпускников этого милого места. Я успела составить свое мнение о том, что на государственное управление идут тогда, когда на другие специальности большой конкурс или просто нужно получить диплом о высшем образовании, этот государственный фетиш, который уже давно не стоит тех страстей, что вокруг него разводят. Скажешь, я не права?

Андрей промолчал.

– Хорошо, тогда поговорим с тобой начистоту. Ты так боялся, что твой действующий начальник узнает, что ты гей? Это случилось, потому что им стала мать твоего бывшего мужа, которого ты свел в могилу своим предательством.

– Ирина Иосифовна, – возразил Ефремов, – я живой человек. Терпеть вашего сына все эти четыре года было достаточно тяжело, кроме того мать очень хочет, чтобы я завел семью...

– То есть ты не собираешься в принципе ей признаваться в том, кем являешься. Это похвально. Как и то, что ты собрался обзавестись настоящей семьей, детишками. А как же твои естественные потребности? Или как врал маме, так и жене будешь врать, а сам с мальчиками по гостиницам? А потом, когда эти мальчики успеют надоесть, найдешь других? Возможно с позиции нашей современной доктрины это нормально. Но у твоих жертв есть родители, друзья и родственники. А у моего сына было еще двести учеников в детском доме,

и он никогда не позволял себе вольности раскрыть свою идентичность. Ни одной жалобы. Но появился ты, пожил в тихой гавани пять лет, а потом вдруг решил все бросить. Отлично зная, что мой сын не сможет пережить твой уход, ты все равно решил пойти на поводу у своего эго. Хотя, судя по всему, оно у тебя слишком неблагоразумное, раз позволяет вытворять подобные штучки.

– Это было мое обдуманное решение. Четко взвешенное и несколько раз проанализированное.

– Прекрасно, – сказала Ирина Иосифовна, – только теперь, как ты понимаешь, мы вряд ли сможем с тобой существовать в едином пространстве. Потому что ты можешь сколько угодно думать, что тебя обманывали, разводили на деньги и на жалость и так далее. Для меня эта картина более чем очевидна: ты цинично расправился с моим сыном, разрушил его жизнь и столкнул в пропасть, оставив умирать от тяжелого заболевания...

– Я не виноват в той аварии...

– Да ты у нас вообще ни в чем не виноват! Ты жертва со всех сторон. Подумаешь, умирал человека. Да какое там, он же придумал себе свою аневризму. Жаль, сгорел подчистую, вскрытие не сделаешь...

– Ирина Иосифовна, – Андрей старался говорить спокойно и выдержанно, – никаких юридических оснований обвинить меня в смерти вашего сына нет. Трудовой кодекс вы знаете лучше меня, потому понимаете, что уволить отсюда по собственной прихоти тоже не сможете...

– Да зачем он мне этот свод текстов для угнетения обездоленных и слабоумных?! Я понимаю, что вижу перед собой образец бесконечной безответственности, способный бросить одного дома своего приемного ребенка, попытавшись вернуть его матери-проститутке...

– Что? – Ефремов не смог сдержаться, он вскочил и выпучил глаза, – почему вы такое говорите?

– Ну мне то известно, что эта Виолетта работала проституткой, пока не получила от этого ремесла соответствующий подарок...

– Что вы хотите этим сказать?

– У Виолетты СПИД, ей осталось жить не больше полугода!

Андрей застыл как соляное изваяние и опустил на стул без сил. Выражение его лица было подавленным и шокированным.

– Теперь ты понял, кому вернул ребенка и какое будущее его ждет? Хотя бы поинтересовался куда он поступил? Да чего я спрашиваю. Разумеется, ты этого не делал. И не знаешь, что Пашку должны в армию забрать, так как он никуда не попал, после того как завалил экзамен, который должен был сдавать через день после твоего позорного бегства. Насчет трудового кодекса ты прав, но не забывай, что в нашем ведомстве все руководящие посты являются назначаемыми. Так что долго в ранге начальника отдела ты у меня не продержишься, изъяны в твоей работе я буду искать с огромным увеличительным стеклом, о всех премиях можешь забыть разом, переходишь работать на голый оклад. Сколько он там у нас? На электричку в мамашин Зажопинск доехать хватит?

– Я буду жаловаться, – внезапно взвизгнул Андрей и посмотрел на Ирину Иосифовну. Один глаз предательски дергался и косил.

– О да, и ты расскажешь всем, что злобная Савельева топит тебя, за то, что ты жил с его сыном? Устроишь массовый камингаут? Я в это не верю. Да и защитить тебя от меня, в сущности некому...

– Я пойду к мэру...

– Марат тебя не станет слушать в принципе. Арсений не особо распространялся на сей счет, он и из нашего города сбежал от этого. Ты вообще в курсе, что нынешний мэр Озерска –

его крестный отец? А я училась вместе с Натальей Суляниной в школе и университете. Мы лучшие подруги с самого детства. Ну так как, пойдешь жаловаться, или мне сразу пойти к ним и поведать истинную историю гибели их крестника со всеми действующими лицами?

– Нет, – пусто сказал Андрей, – не надо.

– Так что решение о твоей профпригодности я буду принимать самостоятельно. Твой детский поступок только дает мне понять, что тебе в такой серьезной структуре как строительство делать нечего. В связи с этим, ты можешь идти на свое рабочее место. У тебя неделя на то, чтобы сочинить красивое заявление на увольнение. Потому что никакой государственной службы в этой стране тебе уже не добиться. Желаю удачи.

Сказав это Савельева указала Андрею на дверь и развернулась к компьютеру, в котором быстро начала что-то печатать и исправлять.

Да уж, это вам не Кухарская, – подумал Ефремов, – может быть сколько угодно обстоятельств, отводящих от меня обвинение в его смерти, но мать, которая знала всю правду изнутри всегда будет считать меня убийцей и ненавидеть...

Проснувшаяся в нем совесть напомнила, что попросить прощения уже не у кого, разве что следует забежать на кладбище, картинно упасть на могилу и начать есть еще не поросшую травой свежую землю. Вот только находится оно далеко, Ирина Иосифовна предполагала похоронить сына на Крайнем Севере, в той провинции, где она работала и жила ранее. Так что падать на землю и есть подмороженный лишайник в тех климатических условиях было бы крайне опрометчиво и опасно для респираторной системы.

Как только Андрей сел за свой компьютер, то неожиданно для себя открыл альбом фотографий, которые они с Арсением и Пашкой сделали во время последней зарубежной поездки. Счастливые лица, смотревшие с экрана, ужалили его, Ефремов не мог сдержать слез и заплакал как ребенок. Боль опустилась вниз и стала еще более сильной и неприятной. Как никогда Ефремов сейчас хотел вернуть все назад и не убегать из той квартиры, ставшей для него укромным гнездышком. Зачем он только слушал свою мать, Багрицкую, которые лили ему в уши те слова, что вызвали его поступок. Как теперь спастись? Куда идти и у кого попросить помощи и поддержки. Неужели выхода теперь нет, и судьба дает Андрею шанс понимания состояния, в котором был Арсений, когда собирался выброситься из окна.

Ефремов упал головой на клавиатуру, дыхание было частым и тяжелым. Больше всего в тот момент ему хотелось умереть и не думать ни о чем. Но вскоре, он вспомнил, что помимо личных дел существует работа. Поэтому Андрей сходил в туалет, где привел себя в порядок и нацепил свою обычную циничную физиономию, к которой давно привыкли коллеги...

Другим двум женщинам было сложно держать себя в рамках спокойствия. Виолетта четко понимала, что находится на грани, поэтому она хотела успеть рассказать Инне Васильевне все:

– Я знаю, что то, что сейчас я скажу, будет страшным и жестоким. Вы тоже мать, и нам свойственно оправдывать своих детей. Поэтому просто выслушайте меня. Инна Васильевна, вы знали о том, что ваш сын Андрей гомосексуалист?

– Что? – Ефремова вскочила со своего места с возмущенным выражением лица, – кто вам такое сказал?

– Он сам мне признался в этом, – ответила Виолетта, – когда сбегал от своего мужа к вам, быстро собирая вещи.

– Я ничего пока не понимаю, – замотала головой Инна Васильевна, – мой сын снимал квартиру один и у него истек срок аренды...

– Это ложь! Он пять лет прожил со своим Арсением. Четыре года они воспитывали моего сына Пашку вместе, а потом у Андрея вдруг появилось желание все разрушить. Он позвонил мне и сказал, что ребенок остается в квартире один, так как Арсений, он рабо-

тал педагогом в детском доме, уехал со своими воспитанниками из города. Андрей сбежал из своей семьи как последний трус...

– Это нельзя назвать семьей, – все взвесив про себя, вступилась за сына Инна Васильевна, – он просто понял, что это не его, понял, что все это неестественно...

– Вы так говорите, потому что вами управляет материнский эгоизм. Всем нам хочется, чтобы наши дети были счастливыми и нормальными. Но так уже не будет! У Арсения было обнаружено заболевание, а потом он погиб в железнодорожной катастрофе, а мой сын... Я забрала его к матери... Мой сын пристрастился к наркотикам и сегодня утром выпал из окна в состоянии героиновой эйфории!

– Но в этом виноваты вы, а не мой сын!

– Ваш сын, – ответила Виолетта, – запустил этот механизм. Да, по закону его нельзя привлечь к ответственности. Но для всех нас он убийца. Который бросил двух самых родных людей, что у него были.

– Зачем вы тогда забрали своего сына, если понимали это?

– Я смогла осознать это только сегодня утром, – по лицу Виолетты покатались крупные слезы, она тяжело дышала, – когда приехала в морг... Да и мне то тоже в сущности осталось недолго...

– Что вы такое говорите?

– У меня СПИД. И я это знаю лучше кого бы то ни было. Потому и торопилась приехать к вам и рассказать все, что успею. Вы воспитали чудовище. Эгоиста, который считает нормальным перешагивать через других, не видя никаких моральных ориентиров. Я не знаю, сколько душ он уничтожил раньше и сколько постигнет такая же участь. Но он за эти месяцы смог совершить двойное убийство и не понести за него наказание.

– Пожалуйста, – взмолилась Инна Васильевна до которой начали доходить масштабы происходящей трагедии, – перестаньте. И уходите.

– Нет, – ответила Виолетта, – вы будете меня слушать, пока до вас не дойдет, что тоже являетесь виновницей этой драмы. Почему он вам никогда в этом не признавался?

– Потому что любил и жалел.

– Я так не думаю. Скорее для собственного удобства и избавления от угрызений совести. Только и всего. Прекрасная и размеренная жизнь убийцы... Ой, – в этот момент в ее глазах потемнело, Виолетта подалась назад и чуть не упала со стула. Инна Васильевна подбежала к ней и успела подхватить.

– Что с вами?

– Я вам говорила. И еще раз повторю. Он убийца. Убил моего сына и своего любимого человека. И меня тоже. Простите...

Взгляд Виолетты остановился, остекленел. Поначалу Инна Васильевна не поняла, что происходит, но после, прощупав отсутствие у женщины пульса бросилась в коридор. Там она отыскала медсестру, которая подтвердила, что женщина мертва. Вызвали «Скорую помощь» после чего тело увезли в клинику, а Инна Васильевна осталась в своем кабинете. Она думала и анализировала. Ситуация начала складываться в стройную последовательность. Теперь Ефремова начала понимать, что сама спровоцировала такое поведение сына:

– О господи, – сказала она сама себе, – я это сделала своими собственными руками. Убила их своим желанием просто иметь внуков, незнанием того, кем является мой сын. Андрюша, за что? Почему ты молчал?

И тут она вспомнила его шутку о дурной наследственности. И поняла, что тот повторил порочный путь своего беспутного отца, только на сей раз обстоятельства развернулись в совершенно другую сторону. Никто не выжил после подлого предательства. И она сама стала соавтором этого ужасного злодейства. Почему она вовремя не разглядела в сыне ростки всего этого? Какая она после этого мать? И что теперь ей делать? Как с этим дальше

жить? Ответов на эти вопросы ей не удавалось найти. Состояние Инны Васильевны обвалилось в темное и неуправляемое паническое смятение.

* * *

Таша вместе с Суворовой вернулась в Детский дом. Таисия Николаевна ушла в свой кабинет, а Наталья решила дойти до школы, чтобы увидеть Марину и все ей рассказать.

Однако, по дороге произошла встреча, которая отложила эти планы на некоторое время. На ограде палисадника возле детского дома сидел Леша Багрицкий и болтал ногами. Поскольку на площадке не было детей было странно, что он не уходит. Таша подошла к мальчику и спросила его:

– Что ты здесь делаешь один?

– А мне идти некуда, – сказал Леша грустно.

– Почему это? У тебя же есть дом, сестра...

– Нет у меня сестры, – серьезно ответил ребенок и посмотрел на Ташу своими чистыми глазами. Взгляд умолял, чтобы она его утешила.

– Что с ней случилось? – глаза не сработали на Наталью в нужном направлении. Она начала сильно беспокоиться о том, что произошло на самом деле.

– Я в этом виноват, – каждая новая фраза, произносимая Лешей, делала ситуацию все страшнее и страшнее.

– Леша, – постаралась успокоиться Таша, – почему ты виноват в том, что произошло с твоей сестрой?

Ребенок молчал. Наталья решила увести его в свой кабинет и попросить помощи у детдомовского психолога. В кабинете Леша быстро устроился за столом, снял ранец и достал из него пистолет. Таша, которая в отличие от Светланы, отлично разбиралась в оружии удивленно округлила глаза и осторожно спросила:

– Откуда это у тебя?

– Подарили.

– Кто?

– Света.

– Дай мне его поиграть, – вдруг сказала Таша, рассчитывая заполучить оружие, чтобы ребенок не держал его в руках.

– Забирай, – сказал Леша, – он мне не нравится!

Наталья взяла в руки пистолет, протерла его тряпичной салфеткой, положила в коробку и с удивленным видом поднялась вверх. Суворова заканчивала очередной телефонный разговор. Вид ее также был озадаченным:

– Хорошо, – сказала она, – если что узнаем, сообщим, – положила трубку и посмотрела на Ташу, – у тебя что, увидела Марину? У нас тут еще одна безрадостная новость...

– Нет, – ответила та, – не успела. Какая новость?

– Света Багрицкая застрелена в собственной постели. Дома никого нет, дверь открыта. Ее брата в школе с утра не было. Странно все это.

– Тогда, получается так, – сказала Таша, – что я пришла по поводу этой новости.

– В смысле, – изумилась Суворова, – ты что-то знаешь?

– Леша в моем кабинете. Он сказал, что не может идти домой и что он виноват в чем-то что произошло с его сестрой. И он отдал мне вот это, – Таша положила коробку перед Суворовой. Та быстро открыла ее и сказала:

– Черт-знает-что. То есть это он ее убил?

– Я не знаю, – ответила Наталья, – я шла в школу, встретила его на игровой площадке, привела к себе, и тут он из ранца пистолет достает. Я в оружии разбираюсь и сразу поняла, что он боевой.

– Так, – рассудила Суворова, – ребенка мы возьмем к нам на попечение, я доложу в полицию, что он у нас. Мать их все равно вне зоны досягаемости. Потом будем разбираться.

– Ребенку нужен психолог...

– Боюсь, – заметила Таисия Николаевна, – тут дело психологом не обойдется. Если психически здоровый ребенок действительно пристрелил свою сестру, должен быть существенный повод. Либо на него было оказано некое влияние. Отведи его в группу шестого класса, а документы все я оформлю. У меня сейчас есть одно неотложное дело, поэтому прошу меня оставить.

– Пистолет оставите себе или мне у себя спрятать?

– Забери себе и спрячь в сейфе, ключ возьмешь у завхоза. И запакуй это в скотч, тогда никто точно не попытается посмотреть что там.

Таша кивнула и удалилась из кабинета. Таисия Николаевна взяла свой телефон и набрала номер:

– Алло, Андрей? Здравствуйте, вас беспокоит Суворова Таисия Николаевна, если вы, конечно, такую помните.

– Да, добрый вечер, что вы хотите?

– Андрей, нам срочно нужно увидеться. Произошло нечто, о чем нам следует поговорить.

– Это касается Арсения?

– Да.

– Тогда нам с вами говорить не о чем.

– Как же так, – удивилась Суворова, – нам то очень о многом следует поговорить. В частности, о вашем приемном сыне Павле...

– Я его не усыновлял, – отрезал Андрей, – когда же все это прекратится.

– А я боюсь, что никогда, – съязвила Таисия Николаевна, – просто вы все измеряете юридическим аспектом, а мне кажется, что эта ситуация должна быть рассмотрена с общечеловеческой позиции. И в таком ракурсе она выглядит очень неприглядно.

– Простите, – ответил Ефремов, – но в таком контексте мне принимать решение, считаю я такой суд правомочным для моей системы ценностей или нет.

– Я все равно настаиваю на встрече, это важно.

– Мой ответ нет.

– Послушай, мальчик, – разозлилась Суворова, – здесь происходит нечто странное. И если ты спокойно пережил смерть Арсения, то мы все еще по нему в трауре. Кроме того, сегодня произошла еще одна смерть, к которой ты в очередной раз не имеешь юридической, зато обладаешь полной человеческой причастностью.

– Я вас не понимаю.

– Паша погиб, – выдохнула Таисия Николаевна, – выпал из окна в результате приема наркотических средств.

– Вы хотите сказать, что я в этом виноват?

– Мы об этом поговорим, когда встретимся. Иначе я подниму такой скандал, что ты вылетишь со всех мыслимых постов. Я тебе это обещаю!

– Хорошо. Встретимся в Гидростроителе сегодня в семь вечера, – ответил Андрей, – у меня там вечером объезд детского сада.

– Договорились, постарайтесь не опаздывать.

– Хорошо.

Андрей выключил телефон и задумался. За этот день ему уже слишком много угрожали. Он снова открыл альбом фотографий и посмотрел на счастливое лицо Пашки, поедавшего мороженое... Его тоже больше нет. Вся семья в разоренном гнезде истреблена. И он, Андрей, следующий на очереди.

Суворова положила свой мобильник на стол и посмотрела в окно. Там высыпали на прогулку малыши из шестого класса. Леша уже был с ними, их сопровождала Таша, которая после смерти Арсения взяла эту группу на себя. У Таисии Николаевны внутри все жалось. Она не относилась к людям, которые толерантно воспринимали явление гомосексуализма. Но сама ситуация в корне изменила ее отношение. Арсений был ценным сотрудником для ее учреждения и уже поэтому она принимала его сторону, хоть они и ругались, порой.

А сейчас его нет. Таша неплохой педагог, дети ее любят, но она совершенно другая. Ее открытость совершенно не подходит для закрытых детей, которых с блеском вскрывал Савельев и заставлял их огранять свой талант, что был загнан глубоко под маску недоверия. Как им теперь быть? Не найдется человека, способного заставить раскрыться и зацвести их бутоны способности и удачи. Почему это счастье не могло продолжаться? За какие грехи этих детей лишили их солнечного света?

Суворова опустила руки в карманы костюма и задумалась. Какую цель ей следует наметить в разговоре с Ефремовым?

А тем временем Таша уже стояла, окруженная детишками и объясняла им новую игру. В центре находился Леша, которого, как новенького, обучали премудростям. Казалось, что ребенок уже забыл о том, как утром этого страшного дня, столь насыщенного событиями, убил свою родную сестру. И его мотив пока так и не был известен. Даже ему самому. Поэтому он боялся признаться.

* * *

Инна Васильевна Ефремова вернулась домой как обычно, в половину шестого. Монотонно скинула с ног тяжелые туфли, подняла с пола неподъемные сумки с продуктами и грузно пошла в сторону кухни. Мысли крутились в ее голове и никак не желали подчиняться здравому смыслу. Женщина не знала, что ей сейчас делать в подобной ситуации. После всех сегодняшних злоключений хотелось спокойствия. Но о нем можно было только мечтать...

Сначала приехала «Скорая помощь». Врачам пришлось объяснять, что к чему, но получилось очень коряво, так как первым вопросом было:

– Кто эта женщина?

– Я не знаю, – честно ответила Инна Васильевна, не следовало же ей рассказывать все подробности их разговора.

– А что же она тогда делала у вас в кабинете?

– Пришла поговорить, но толком сказать ничего не смогла, ей сразу стало плохо.

– Но когда вызывали «скорую», то сообщили о СПИДе. Это вам было откуда известно?

– Она сказала, что у нее СПИД...

– Простите, – у врача окончательно расхотелось показаний, поскольку он не понимал, что может требоваться в детском саду женщине, умирающей от такой болезни, – это она вам успела сказать, а зачем пришла – нет. Вы не находите, что это выглядит очень странно и не совсем понятно...

В общем, врачи не особо поверили во всю эту красоту и логично, что они сообщили обо всем в полицию. В связи с этим тягостный разговор повторился. Инна Васильевна продолжала держаться своих показаний о том, что в ее кабинет пришла женщина, призналась в том, что у нее СПИД и после этого скончалась в страшных корчах у нее на руках. Цель

визита она озвучить не успела. Полиция также очень долго не могла понять, что могла женщина в таком положении искать в детском саду, но, поскольку, очень скоро подтвердилась ненасильственность смерти и соответствующий диагноз, то от Ефремовой отстали, но осадочек, как говорится, остался...

Инна Васильевна механично разложила продукты по местам и опустилась на стул, налив себе немного морса в стакан. Мечтательно посмотрела в окно и задумалась над своим положением. Она понимала, что слухи о произошедшем в ее кабинете очень скоро распространятся по всему городку и рано или поздно дойдут и до мужа, и до Андрея. Так что притворяться, что ничего не произошло совершенно бессмысленно. Но звонить сыну, встречаться, просить его сказать, что это все ложь она не могла. Потому что четко осознала – женщина не солгала.

В этот момент в ее голове вновь всплыли картины ее несчастья, когда муж бросил Инну с двумя детьми и отсутствовал долгих семь лет. Все эти страшные ночи, когда не было сил уснуть, и Ефремова часами глотала слезы и смотрела через оконное стекло на пустое ночное небо, затянутое серо-синими тучами. И даже луна не могла пробить этой страшной пелены, чтобы осветить для Инны дальнейший путь. Те годы она двигалась словно наощупь, попадая в расставленные капканы и не понимая своей вины в происходящем безумии. И этот молодой парень, который любил ее сына оказался в такой же ситуации. Сам лишился жизни, а потом еще и мальчик погиб. В этой истории множество виновников, но Инна Васильевна понимала одно – она никогда не сможет убедить себя в том, что во всем этом нет ее вины, поскольку вся боль и несчастье постигнувшее ее участников было ей близко и понятно... И как бы не было неприятно это признать, ее чувство к сыну от этих мыслей начало трансформироваться. Если раньше в нем она видела всю себя, ту любовь, что ему отдавала, то сейчас, поняв, что ее любимец никогда не понимал ее и не доверял, Инна видела в Андрее его отца, который не задумывался о счастье и будущем своих детей, следовал своим инстинктам и глупым желаниям... Следовательно, сейчас она пересмотрит свое отношение. Отец-Ефремов, своим поступком, причинил ей боль и нанес детям психологическую травму. А сын просто хладнокровно убил двух человек, которых любил и за которых отвечал...

За этими мыслями Инна Васильевна не заметила, как в прихожей появился муж. Он быстро прошел в кухню и удивленно сказал:

– Инна... Ты плачешь? Что случилось?

– Ничего, – тихо сказала она, – потом расскажу. Не сейчас. Дай мне время все переварить. Потом.

– Хорошо, – ответил ей тихо муж, – я сам сделаю ужин. Судя по твоему виду, ты не в состоянии. Твои курицы на работе тебя когда-нибудь доконают...

– Я знаю, – ответила Инна, – но без них дома я свихнусь.

– Не говори глупости, – Ефремов старший разложил на разделочной доске кусок куриного филе и собрался нарезать его на небольшие куски, – я запеку их с овощами, по-моему, это проще сделать.

– Делай что хочешь, – безразлично ответила Инна, – я не думаю, что много съем.

Ефремов-старший отбросил нож и сел напротив жены:

– Инуль. Ты меня очень пугаешь. Что сегодня случилось?

– У меня на руках сегодня умер человек.

– Как? – ужаснулся муж, – где это случилось?

– В моем кабинете, – ответила Инна, – в детском саду.

– Но... Это кто-то из сотрудников?

– Нет. Эта женщина пришла мне рассказать о том, что из себя представляет наш младший сын Андрей. Вспомни тот день, когда ты вывозил его книги. Ты видел в квартире мальчика?

– Да, – ответил Ефремов, – там был пацан. Андрей сказал, что племянник соседа, который его достал...

– Лжец... Это не племянник. Это был сын женщины, которая сегодня умерла у меня на руках. Володя. Наш сын, подлец и убийца. Он жил со своим соседом. Они встречались. Пять лет прожили вместе и воспитывали этого мальчика!

– Не может быть...

– И Андрюша поступил так же как и ты со мной в свое время. Только все не кончилось так как у нас.

Владимир встал и задумался:

– То есть, наш Андрей...

– Гомосексуалист.

– Тогда мы сейчас едем к нему и заставляем туда вернуться. Даже если мне придется применить силу...

– Это не имеет смысла.

– Почему?

– Его любовник мертв. Он погиб два месяца назад. А мальчик, которого мать забрала оттуда после того, как наш сын признался ей в том, что они пара, подсел на наркотики и сегодня выпал из окна от чрезмерной дозы героина...

Ефремов-старший застыл:

– Как он мог.

– А как ты мог в свое время? – закричала Инна, – следовательно он решил, что и ему тоже можно так себя вести!

– Я поговорю с ним, – жестко сказал Владимир.

– Нет, ты не сделаешь это. Говорить буду я, но..., – тут Инна поняла, что ей начинает резко отдавать из груди в руку. Она почувствовала, что перед глазами скачут блики, – это сделаю я, – и в следующий момент она сползла без сознания на пол...

* * *

Поселок Гидростроитель располагался на Юго-Восточной окраине Озерска и представлял собой небольшой пятачок из домов высокой этажности. Как это обычно бывает, удобные для жизни дома оказались недостаточно обеспеченными инфраструктурой, четыре школы и восемь детских садов не справлялись с потоком желающих, занимавших не самую большую площадь, но при этом живших над облаками. Район окружали два скоростных шоссе, одетые в пластиковые кожухи. Таким образом, достигался эффект, при котором несколько высоченных жилых башен оказывались окруженными девственным сосновым лесопарком, который упирался в плотину гидроэлектростанции и водохранилище. Сама плотина представляла собой особую конструкцию, так как река, на которой она находилась, в зависимости от времени года могла течь в разных направлениях. Экспериментальное сооружение вырабатывало небольшое количество электроэнергии, народу там работало мало, потому лес вокруг водохранилища отличался запущенностью, там редко ступала нога человека, из-за болотистых берегов и неустойчивых грунтов...

Андрей Ефремов стоял возле выхода из метро, недовольно поглядывая на дорогие брендовые часы. Суворова опаздывала уже на десять минут. Он никогда не считал нормальным отсутствие пунктуальности, даже если речь шла о женщине. Вскоре Таисия Николаевна выплыла из подземного перехода и сказала:

– Здравствуйте, у вас есть идея, где мы можем поговорить?

– Пойдем в парк, – ответил Андрей безразлично, – не хочу говорить об этом при свидетелях.

Они пошли по аллее в сторону плотины. Чем глуше они заходили, тем запущеннее становился лес...

– Расскажите, что случилось с Пашей, – сказал Ефремов.

– Как я поняла, мать, после того как забрала его у Арсения с твоей подачи, устроила его назад к бабушке, где старший брат подсадил его на наркотики. Как удалось выяснить, он промышлял торговлей, перепродавал эту гадость. Ну и сам на ней тоже сидел. Сегодня утром Паша принял дозу и отправился полетать. Все. О том, что Арсений погиб и как тебе должно быть известно.

– И что с того? – возмутился Андрей, – я не виноват в том, что взорвался тот поезд.

– Ты как минимум ответственен за его болезнь, он поехал лечить аневризму!

– Я обязан в это верить? – ответил Ефремов недовольно, – мне не сказали ни название клиники, ни имя врача.

– А на это ты что скажешь? – Суворова достала из сумочки сложенную вдвое медицинскую выписку. Андрей взял ее в руки и пробежал глазами, – она подлинная, – сказала Таисия Николаевна, – можешь проверить ее на свет. Эти бумаги делают на бланках с водяными знаками. Это запрос на выделение сверхстраховки в связи с экстренным случаем. Я подавала ее в управление, когда узнала о диагнозе, но не успела, мать Арсения выделила полную сумму для лечения в клинике. Здесь стоят все печати, подписи. Все подлинное.

– Неужели вы считаете, что наш союз был нормальным? Я уверен, что у вас насчет подобных нам определенное мнение.

– Ошибаешься. Я просто знаю, что бывают нормальные геи. Которые не скачут в перьях на улице, не целуются на показ. Именно они и страдают больше всех от тех вещей что творятся в нашей стране. Те, для кого сексуальная ориентация не стала средством политической эксплуатации. Вы же вырастили Пашу. Он именно с вами стал именно таким, взрослым, подтянутым, здоровым. Почему я должна считать это чем-то категорически неприемлемым? Наоборот. Я думаю, что это нормально. И даже естественно.

– Но так считаете только вы!

– Я уверена, – горько улыбнулась Суворова, – что не только. Но восстанавливать все уже поздно. Пашки уже нет... И Виолетта... Она умерла сегодня днем. Я еще не была в госпитале, не успела. Поэтому и задержалась.

– А с этой то что? – отмахнулся Андрей, – в этом я точно не виноват.

– Допустим, – заметила Суворова, – что твоей вины в ее древнейшей профессии и заболевании, с ней связанной нет. Но во всем остальном...

– Да что вы от меня хотите? – сорвался на крик Андрей, – то вам подавай здоровую семью, внуков и романтику. А теперь вы костерите меня за то, что я не захотел делить дальше постель с вашим лучшим сотрудником. Где вас разберет? Что за сумасшедший дом? Вы телевизор вообще смотрите? Наш парламент и эта жуткая тетка, Крысулина ее фамилия, она же собирается протаскивать антигейский закон. Вокруг воспитания детей однополыми семьями просто истерика раздута.

– И что? У нас треть семей однополые, где детей мамы с бабушками воспитывают. И ничего.

– Вы сама ничего не знаете о том, как мы жили!

– Но я видела результат. Или ты, как менеджер старой школы, считаешь, что главное не результат, а процесс? По-моему, ты Пашке как мог прививал ориентир на результат. Разве нет.

– Какая к черту разница, – продолжал свое неистовое негодование Андрей, – что вы сейчас пытаетесь добиться от меня, родимая вы моя?

– Черт возьми, чтобы ты хотя бы осознал, что совершил. Что ты убил их.

– Убийство, это уголовное преступление. Если нет возможности осудить меня при помощи существующих законов, то прошу оставить меня в покое. Мне грустно, что он умер, но я сделать ничего не мог, и сейчас не могу. Это понятно?

– Ты вынуждаешь меня пойти на крайние меры, – процедила сквозь зубы Суворова, – если ты не хочешь признать это глядя в глаза, то посмотрим, как ты запоешь, когда-то же самое от тебя потребует тот, кто тебе действительно дорог.

– Что-то я не могу понять, о ком это вы сейчас.

– Если ты не хочешь ничего слышать, я готова понаблюдать как ты запоешь, когда я встречусь с Инной Васильевной, твоей мамой, заведующей детским садиком в Подосинках. Как видишь, я подготовилась заранее. Я буду очень рада с ней познакомиться и рассказать ей о том, какая мразь ее сынок, – Таисия Николаевна развернулась и с вызовом пошла назад по аллее. Андрей не смог себя удержать. Он бросился за ней следом и в два шага перекрыл ей дорогу:

– Не делайте этого!

– А кто мне запретит? Я знаю всю правду, толпу свидетелей своего бесстыдства ты собрал самостоятельно. Так что... Что мне мешает.

– Вы не сделаете это, – Андрей грубо схватил Суворову за плечи.

– Отпусти меня. Больно!

– Вы не пойдете никуда и не будете втягивать мою мать...

Сзади грохнул гром и ветер качнул верхушки сосен:

– Приближается гроза, – сказал Андрей загадочно и спокойно, – и я хочу договориться с вами...

– А я не принимаю твоих условий! – Суворова вырвалась из рук Андрея, ударила его ногой по колену и побежала по аллее. Ефремов быстро пришел в себя и бросился за ней в погоню.

Все произошло очень быстро, Андрей ловко нагнал Таисию Николаевну, дернул ее за сумочку. От рывка женщина скользнула по песку и упала. Ефремов несколько раз ударил ее кулаком в лицо. Кровь брызнула на землю тонкими струйками возвещая переход к новой степени зверства. Оглушенную Суворову Андрей вытащил с аллеи в глухую чащу.

Тут лес снова огласил гром. Молния яркой вспышкой ударила в вышку мобильной связи. Раздался сильнейший удар, словно рядом что-то взорвалось. В разные стороны посыпались искры. Металлическая вышка качнулась и упала с шумом в чащу.

Андрей вышел ближе к берегу и увидел яму с вязкой массой. Схватив Суворову за голову, он оглушил ее ударом об ствол дерева. Таисия Николаевна окончательно отключилась, но еще дышала. Ефремов нашел длинную палку и потыкал ею в яму. Масса на дне явно уходила на глубину больше двух метров. Посмотрев на Суворову, он поднял ее и бросил в яму. Грязная жижа медленно засасывала тело и в какой-то момент Таисия Николаевна пришла в себя и стала барахтаться, пытаться выбраться. Андрей спустился, насколько ему позволял твердый берег, схватил ее за голову и загнал ее целиком в жижу. Какое-то время женщина продолжала сопротивляться, но очень скоро попытки прекратились и Суворова пошла на дно...

Тут же начался сильный ливень. Андрей чертыхнулся. После чего выбрался из ямы и стал искать палки, при помощи которых собрал огромную кучу палой листвы и засыпал импровизированную могилу Таисии Николаевны. Сверху он накидал веток, которые собрал вокруг.

В любом случае, – думал он, – нужно очень сильно постараться, чтобы найти тут хоть какие-то доказательства моего присутствия. Телефон и сумка уйдут на дно. И никто никого не найдет. А я ее и не видел сегодня на Гидростроителе. Все равно там народу всегда мало,

и станция расположена в малозаметном месте. Никто меня не видел. Если я убийца, то одним трупом больше, одним меньше. Какая уже теперь разница...

* * *

Крупная змея изысканного медно-красного окраса медленно и плавно двигалась по руке, не обращая внимания на присутствие человека. Рептилия наслаждалась теплом, что исходило от хозяина, грелась лучами присутствия и радовалась ему. Разумеется, любой биолог опровергнет заявление, что домашние животные способны на какие-то эмоции, особенно змеи. Но каждому хозяину приятно думать, что это не так, и что его ползучая прелесть умеет чувствовать и ждать. Зачастую, именно так все и обстоит.

Квартира была довольно просторной и уютной. Огромную гостиную украшало широченное видовое окно. В нем копошился огоньками огромный город. Дом стоял на возвышении и с верхних этажей открывался прекрасный урбанистический пейзаж. Мебель в комнате отличалась современным почерком, множеством острых углов и странных материалов. В круге кожаных черных диванов стоял каменный журнальный столик. Боковую стену занимал скрытый шкаф, а в нише располагался внушительных размеров террариум, в котором и жила эта красивая и величественная змея. Острые углы мебели передавали на потолок причудливый рисунок теней, что придавало квартире еще более загадочный вид.

Герман Соловьев любовался своей красавицей. Его образ с точностью отражался полированной каменной столешницей. Но животное не любило этот стол в силу его природной прохлады. Сосновые змеи отличаются своеобразным характером и поведением. Они могут долго греться, находясь на руках у хозяина, но увидев опасность или что-то раздражающее, принимают боевую стойку, открывают пасть и издают устрашающий треск. Для неподготовленного или просто панически боящегося змей человека это зрелище является довольно впечатляющим. Когда этот некто убегает с громкими визгами и страшными воплями, животное возвращается в исходную позицию и продолжает наслаждаться общением... Все дело в том, что змеи воспринимают людей, в большей степени как деревья, а не как живые организмы. Поэтому многие и привыкают настолько к рукам. Ведь не везде можно найти теплое и уютное дерево, да еще с волосами и такой палитрой потрясающих запахов...

Соловьев вспоминал сегодняшний день и пытался анализировать. Место действительно оказалось очень удачным и не проблемным. Сыновья президента, что очень порадовало, не оказались тьюфяками, за которых все речи пишут спичрайтеры, а вполне адекватными ребятами. С ними будет интересно работать...

От раздумий его отвлек звук открывающейся двери. Ключи упали на тумбочку с характерным металлическим отзвуком...

Герман быстро вернул змею в террариум, поскольку никого не собирался пугать, после чего спрыгнул с дивана, прошел через комнату, толкнул скользящую дверь прихожей и сказал:

– Мама, сколько раз я тебя просил звонить, если ты задерживаешься! Ужин успел остыть десять раз. Твоя работа далеко не убежит, если ее отложить на вечер. Я больше тебя звать на ужин не буду, если это не прекратится.

– А я тебе сколько раз говорила, чтобы ты не готовил все заранее и не напрягался? Я же не особо прихотлива. Кроме того, я что сюда есть пришла? Я мат тебе или не мат, я сама должна готовить ужин и ждать тебя с работы!

– Но я виноват, что ты позже приходишь? – недовольно развел руками Герман. Его мать продолжала оставаться в прихожей.

– Это не повод уводить у меня мои святыне обязанности. Кроме того, я готовлю лучше тебя.

– От твоей готовки у меня изжога.

– Как тебе не стыдно. Ты мне вообще сын или ехидна? И вообще, Арсюша, как прошло твое собеседование в десанте?

В комнату вошла Ирина Иосифовна Савельева, которая смотрела на сына, довольная тем, что он все-таки жив и даже пытается начать новую жизнь под чужим именем...

Между тем, цыпленок в курятнике продолжал стремительно расти и набирать необходимые килограммы...

18. Тысяча слёз

*И тысяче слез не смыть боль от потери Тебя
Тысячу ночей стоит тишина, что требует от меня предать
тебя забвению*

*Но она хочет слишком многого
Я не хочу забывать то чувство, что было у нас
Это новое начало...*

Current Music – Aliona Moon – O mie

Дождь безжалостно хлестал по воде, оставляя на ней четкие частые круги. Капли подпрыгивали, частично отталкиваясь и разлетаясь в стороны, становясь мельче и тоньше. Картинка серого неба, затянутого грязно серыми, тяжелыми как пыльная вата тучами. Вода остриями впивалась в лицо. Пытаешься бороться, но бесполезно. Жидкая грязь, вперемешку с тиной затягивает тебя вниз... Как только на глазах грязь захлопывается как две скользящих двери поезда метрополитена в рот начинает поступать странная зловонная смесь с неприятным привкусом. Она проникает в нос, рот, заклепывает глаза так, что они начинают болезненно моргать. Но от этих движений липкой массы внутри тебя становится только больше. И вот ты вынырываешь из этой массы, на глазах только начинает проступать свет, снова видишь эти омерзительные тучи и капли дождя смывают грязь с лица, как над тобой появляется кисть сильной руки, которая снова резким движением погружает в гадкую массу. Пытаешься дышать, но не выходит, хочется спастись, но уже не получится. Рука плотно старается удерживать твою голову внутри, чтобы все поскорее завершилось. Проклятый дождь, он, как назло. Раздражает, режет кожу на лице и злит. Потому что больно...

Андрей открыл глаза. Дождь продолжал хлестать по земле. А каждый раз, когда он закрывал глаза, то представлял себя на месте Суворовой. Но когда он топил ее, не шел дождь... Что хочет его сознание этим всем сказать?

Одно он знал наверняка. Только что Ефремов снова совершил четко обдуманый поступок, совершенно не задумавшись о его последствиях. И снова это сопровождалось смертью. Теперь на нем четыре трупа, но за три первых не получится уже ответить перед законом никак. А этот – вполне. Если найдут, конечно. В конце концов, кто они такие, чтобы пытаться перещеголять его в хитрости. И какой ненормальный станет искать эту старуху в старой болотине у водохранилища? Через месяц-полтора ударят морозы, и бабушка превратится в ледышку. Потом все засыплет снегом и так по кругу. Не найдут ее тут. Если Андрей смог убедить себя в том, что Арсений переживет его уход, тот тут все проще. Ни у кого не найдется мотива искать старуху в лесу. Сейчас он перешел некую границу отделяющую обычного человека от преступника. Дальше убивать станет легче. Ефремов каждую секунду воспроизводил момент того, как решился это сделать и бросился за Суворовой. И погоня доставляла удовольствие. В ней был свой глубокий и приятный адреналин. Старуха не сопротивлялась и даже не пыталась позвать на помощь. Не успела. Не свезло. Но каждый раз, закрывая глаза, сознание Андрея рисовало картину, что он тонет в болотине...

Опять грязь попадает в рот, не дает глазу моргать. Ты слепнешь. Да, это ты начинаешь слепнуть. То, чего Ефремов боялся с детства, когда случайно услышал разговор матери и офтальмолога:

– Ребенок может лишиться зрения, если не будет проходить курс лечения...

Грязь заклепывает глаза. Это все Арсений. У него пропадало зрение. Он действительно слеп. Как ты мог согласиться с этим идиотским оправданием, что Савельев притворяется. Зачем убедил себя в этом?

Ефремов вышел на аллею и стал вспоминать, направление, в котором следует идти к метро. Задумавшись пошел налево и очень скоро оказался возле плотины. Буро-рыжая вода выливалась по ее склону и ударялась о гладь водохранилища. Ливень не прекращался. Андрей решил пойти обратно. После десяти минут пути наткнулся на развилку. Прикинул и пошел налево. Сосны, обрамлявшие аллею, словно рисовали перед ним бесконечный лабиринт. Потому что вскоре он снова оказался возле плотины. На той же самой площадке. Нервная система начала сдавать, и Ефремов побежал назад. На той самой развилке он повернул в противоположную сторону и снова оказался у плотины. Тут у него началась дикая паника. Он решил повернуть с аллеи и выбраться напрямик. Андрей снова ускорил шаг и вскоре, чуть не поскользнулся на обрыве. Тот скатывался к яме, заваленной ветками и упавшими листьями. Это было то самое место, где около часа назад Андрей утопил Суворову. Он развернулся и побежал назад. Оказавшись на аллее Ефремов пересек ее под прямым углом и спокойно пошел вперед. Сосны, казалось, следят за ним, перешептываются. Ливень прекратился, в лесу стало очень тихо и Андрей стал прислушиваться, чтобы поймать звук скоростного шоссе.

Темнело. Тут взгляд Ефремова поймал пробежавший мимо световой сигнал и побежал на него. Через пять минут он оказался у окружной дороги Гидростроителя и выдохнул. Теперь можно спокойно добраться до метро и поехать домой. При этом постараться, чтобы его не особо заметили. Это будет несложно...

Подойдя к станции, он чертыхнулся. Вход был закрыт из-за подтопления подземного перехода. Придется брать такси. Поймав случайную машину Андрей постарался сесть на заднее сидение так, чтобы его лицо было сложно разглядеть, назвал адрес и достал свой любимый смартфон, очередную новую модель, что через две недели должна была выйти из моды. Тут то он и увидел, что нет связи и снова раздраженно чертыхнулся.

Возможность подключения к сети восстановилась только когда Ефремов подъезжал к своему дому. Сразу же в его почтовых ящик всыпалось несколько сообщений о пропущенных вызовах. Около пяти раз ему пытался позвонить отец. Когда Андрей уже поднялся на свой этаж и открывал дверь телефон зазвонил, и он ответил:

– Где тебя носит, – раздался возмущенный голос Владимира, – я с половины седьмого пытаюсь до тебя дозвониться! Волнуюсь.

– Что-то срочное? – Андрей включил недовольную интонацию, чтобы отец понял, что он уже не маленький мальчик, – я был на Юго-Востоке, там кажется вышку молнией сбило. Такая буря. Метро не работает.

– Немедленно приезжай в Подосинки. Мать хочет срочно с тобой поговорить.

– Я еще не успел...

– Она перенесла инфаркт! Мы в больнице. И откладывать этот разговор не собирается.

– Хорошо, – протянул раздраженно Ефремов, – я сейчас заеду домой и переоденусь. Может успею на девятичасовой экспресс...

Бежать домой желания не было совершенно никакого. Более того, медицинские показатели, могли быть сильно преувеличены. В связи с этим желание ехать значительно сократилось. Но погоди. А если они не врут, так же, как не врал Арсений. Не надо мешать холодное с горячим, мама уже сколько раз вызывала его к себе домой, а оказывалось, что на самом деле у нее не инфаркт, а просто скачок давления. Отец всегда шел у нее на поводу. В очередной раз успокоив себя таким образом Андрей пошел в душ, особо не торопясь вымылся и высушился, переоделся и, в результате неторопливых действий, только к девяти оказался на пороге квартиры. Так что раньше, чем на десятичасовом экспрессе он бы уехать не смог.

Метро возле дома работало, благо Андрей жил на возвышенности и через полчаса он уже стоял на вокзале возле автоматов с билетами. Но настроение было испорчено охранником:

– Не продаются на экспресс билеты. Отменен. Будет обычная электричка в половину одиннадцатого.

Вот только еще и этого мне не хватало. Когда без десяти десять ему позвонил отец с вопросом:

– Андрей, ты где?

– Я еще на вокзале, – ответил он, – десятичасового экспресса не будет, а на девятичасовой я не успел. Буду на месте к половине двенадцатого...

– Мог бы и поторопиться. У тебя одна мать, – Владимир был на грани того, чтобы сорваться и высказать сыну все, что он думает. Но вспомнив слова Инны, что во всем этом есть и его вина осекся.

– Я торопился как мог! Весь город стоит из-за грозы, – оправдывался Андрей.

– Ладно, знаю я как ты торопишься, – сказал Владимир и выключил телефон.

Андрей недовольно убрал мобильник в карман и пошел к кассам. Там выяснилось, что к оплате не принимаются банковские карты, а всю наличность Ефремов отдал таксисту. Пришлось обежать весь вокзал в поисках своего банкомата, снять деньги, снова отстоять очередь и, наконец, купить билеты в оба конца. Зато Андрей занял этим все свое время до отправления поезда.

В вагоне было неестественно много, для этого времени дня, народу. Вероятно, это было следствием катаклизма, который наделал в городе множество проблем и неприятностей. Сесть не удалось – в результате Ефремов простоял в тамбуре с недовольным видом до самых Мякур, где и вышла подавляющая часть пассажиров. Устроившись в свободном купе Андрей открыл на телефоне книгу и попытался почитать, но тут услышал разговор. Это была странная старая женщина неопределенного возраста. Ефремов не сразу понял, что это обращено не к нему, поэтому данная фраза произвела на него эффект, когда через всю спину пробегает холодный пот и дрожь:

– ... А ты спросил, хочет ли она жить, когда бил сзади исподтишка? А потом смотрел ей в глаза, не замечая просьбы о пощаде. Каждая божая тварь желает жить. Кто ты такой, чтобы прерывать ее земной путь. Где получил права на то, что может вершить только Господь? Понимаешь ли, что следом к тебе придет возмездие, и его неотвратимость тебе остановить не удастся, как бы ты этого не пытался добиться. Неужели до сих пор веришь в то, что все тайное так и будет оставаться явным. Я тебе скажу так, самым счастливым днем в твоей дальнейшей жизни, станет момент, когда ты найдешь в себе смелости встать перед людьми и признаться в содеянном. А им дальше решать, пощадить тебя или растерзать. И ее взгляд будет тебя преследовать пока ты...

Андрей закрыл глаза и снова перед ним предстали эти жуткие облака, дождь, бесконечный лабиринт сосен и взгляд. Вот оно. То как Суворова смотрела на него из той жуткой грязной жижи. И умоляла пощадить...

– ... не справишься с гордыней того, что только тебе известен виновник произошедшей трагедии. Встанешь и обвинишь себя...

Андрей недовольно обернулся и увидел, что сзади сидели две симпатичные девочки, и одна просто читала другой текст с выражением, имитируя старушечий голос. Говорившая девочка заметила его взгляд, улыбнулась и сказала нормальным и очень милым голосом:

– Извините... Это я репетирую. Этюд по мотивам Достоевского.

Андрей улыбнулся:

– У вас неплохо получается! – и обернулся назад. Потом тяжело вздохнул и увидел, что на него пялится сидящая напротив старая женщина:

– Какая милая девочка, – сказала она, – а как играет. Явно будущая звезда. Я бы посмотрела фильм с ее участием. Вам нравится?

Андрей вскочил, словно ошпаренный и быстрым шагом вышел из вагона и перешел в следующий, а старушка проводила его взглядом и сказала:

– Сегодня все чего-то буйные из-за этой грозы...

Ефремов вошел в здание больницы в Подосинках около полуночи, так как электричка простояла на разъезде, пропуская пассажирский состав не доезжая Мочаров. Потом было потрачена уйма времени на поиск нормального такси до больницы, располагавшейся на другой стороне озера Ельша, располагавшегося в центре этого небольшого городка...

Уточнив в приемном покое о местонахождении Инны Ефремовой (которую тут прекрасно знали), Андрей поднялся в кардиологию где и наткнулся сразу на отца:

– Половина двенадцатого, – он посмотрел на часы недовольно.

– В Мочарах стояли, там все расписание полетело ко всем чертям из-за погоды.

– У тебя всегда есть отговорки, когда тебе это необходимо!

– Чего ты от меня добиваешься, я не понимаю? Почему я у тебя виноват сегодня всюду? Я виноват в том, что случилось с мамой?

Тут Владимир снова удержался и промолчал. А потом собрался с силами и сказал:

– Иди к ней. Я оплатил ей одноместную палату. Мама желает поговорить с тобой, даже запретила давать ей снотворное, пока ты не приедешь?

– Снотворное?

– У нее сильнейший стресс, вызвавший инфаркт. Она могла умереть!

– Хорошо, я иду, – Андрей не наблюдал в больнице брата, его жену и их выводок. Следовательно, его предположения о притворстве вполне могли быть правдой.

Инна Васильевна лежала на огромной и удобной кровати в палате класса люкс. Вокруг нее стояли красочные растения, чья причудливая листва создавала ощущение, что это не больница, а опочивальня Белоснежки. Андрей осторожно приоткрыл дверь и бесшумно вошел. Мать действительно выглядела неважно. Ее лицо приобрело немного землистый оттенок. Казалось, что она быстро постарела.

– Мама? – осторожно сказал Андрей, подумав, что та спит.

Инна Васильевна открыла глаза и увидела своего сына. На ее больном лице отразилась вся боль и страдание от того, что она успела узнать за этот день, который бы предпочла забыть раз и навсегда. Сделав над собой усилие, она выдавила из себя одно единственное слово, которое, разумеется, боялась сказать, но была обязана это сделать:

– Убийца...

Андрей зажмурился и перед его лицом предстало перекошенная от ужаса физиономия Таисии Николаевны Суворовой, которую он убил несколько часов назад...

* * *

Ирина Иосифовна Савельева сидела за обеденным столом. Перед ней красовалась тарелка с маринованной в пиве курицей, тушеной с овощами, бокал дорогого португальского вина. Для создания более странной атмосферы Арсений даже зажег благовония:

– И все-таки, – сказала она, – не считаю твои кулинарные извороты чем-то выдающимся. Зачем эту несчастную курицу ты мочил в пиве, если от этого все равно очевидного эффекта я лично не наблюдаю.

– Ты просто привыкла к своим простым и незамысловатым блюдам, не отличающимся обертонами, – отмахнулся Арсений, потягивая из стакана пиво, – вот и ругаешь. Или просто завидуешь.

– Я. И завидую.

– Не надо тут меня убеждать, что многие бабские черты тебе не свойственны. Ты просто этого не замечаешь, порой. Вот и вся любовь.

– На самом деле, я хотела поговорить с тобой на одну очень важную тему, – Ирина Иосифовна пригубила вино, – ну и гадость. Не проще было выбрать что-то не настолько аутентичное?

– Ну просто все разнесла в пух и прах. В следующий раз получишь мультикапсад и претензии не будут приниматься.

– Ну тебя, не буду я есть капусту с перловкой!

– Что за разговор?

– Видела я сегодня твоего Андрея и вывалила ему все что думаю. Разумеется, с позиции того, что я считаю, что тебя нет в живых. Но, на мой взгляд получилось неубедительно. Не умею я хорошо притворяться.

– Если бы это было так, – заметил Арсений, – то он бы стал за тобой следить. Есть такое?

– Нет, не замечала. И потом, мой черный мафиозный автомобиль легко спутать с десятком таких же. Нет, определенно выследить не получится. И потом, у него нет машины, катается на метро. Сегодня заслали его на Гидростроитель. Там проблемный садик, зря я его не остановила и не отправила кого понадежней. Хотя там таких и не водится. Свинарник, а не департамент. Почти все сидят по знакомству и ничего не соображают в строительстве. Бетон от цемента не отличат. Представь себе, что я бы тебя туда запихала на место начальника отдела...

– Все детские садики бы рухнули, – пошутил Арсений, – я конечно работник образования... Но идти в строительство в отдел объектов образования, совершенно не разбираясь в теме я не рискну.

– Ну Кухарская твоего придурка же притащила из транспорта в строительство. Косяков я пока не находила, но и не искала особо, откровенно говоря.

– Что ты ему сказала? – спросил Арсений.

– То, о чем мы договаривались. Сказала, чтобы сочинял заявление об увольнении, так как терпеть его возле себя не планирую ни в коем случае. В принципе, я бы в любом случае от него отделалась, так как негоже сидеть в моем департаменте без строительного образования. Хотя бы техникума. А если ты закончил самый бездарный из управленческих факультетов, хоть с красным дипломом, то специалистом во всех сферах не станешь. В лучшем случае хорошо станешь сочинять идиотские бумажки для совещаний, которые все равно потом идут на сырье для туалетной бумаги. Что ты дальше собираешься делать? Я от тебя до сих пор внятного ответа не получила и сегодня не поеду домой, пока не услышу его.

– Собственно, я собираюсь появиться перед его ликом под именем Германа и высказать за смерть Арсения, который был моим хорошим другом. То же самое, что мы с Женей рассказали Максиму и Сашке.

– И они купились? И потом, реакция Жени была какой?

– Ну ты же сама сказала, что Сулянины не были в курсе моей смерти. Так что пришлось ей просто пояснить какого дьявола я появился под чужим именем. И рассказать про катастрофу, о том, как мне повезло, что, будучи сидевшего у окна меня ударом выкинуло из вагона, поэтому взрыв я наблюдал со стороны.

– Ты уверен, что тебе стоит к нему идти?

– А ты не находишь, что сейчас самый отличный повод для этого? Ты загнала его в угол, он мечется. Наверняка слезки над фотографиями льет, только чтобы никто не видел. И к мамочке катается, чтобы там расслабиться и ничего не делать... Снял себе конуру, в которой не убирается, питается полуфабрикатами, вроде тех недоваренных макарон с килькой в томате. Каждый раз несварением страдал от этой недопасты...

– И что? Ты уже отомстил ему тем, что погиб.

– Ты сама-то уверена в своих словах? Он при тебе признал это?

Ирина Иосифовна пожала плечами:

– Он отпирался как мог.

– Есть еще вопросы? Так что достаточного наказания не последовало. Мы отлично устроились, занимаем классную должность и в ус не дуем.

– Не забывай, что он тебя узнает.

– Плевать! – отмахнулся Арсений, – у меня документы и вся биометрика на Германа Соловьева. Все базы данных на мой анализ ДНК выдадут именно это имя, так как Арсения Савельева в ней уже не существует, так как имя поменяли и там. Все-таки хорошо быть крестником мэра, – Савельев улыбнулся, – я так долго бегал от всего этого, а тут понял насколько много плюшек можно собрать благодаря такому знакомству. Таисия Николаевна вообще бы по струнке тогда бегала...

– И что ты будешь делать дальше?

– Ну, в том, что он меня узнает нет сомнений. Андрей часто говорил, что его карьера для него важнее всего. Поэтому он бросится добиваться моей благосклонности, чтобы вернуться и все исправить одним махом.

– А тебе оно надо? Он же уже предал тебя один раз!

– А кто сказал, что я его прощу и пушу назад на порог? – прищурился Арсений, – у меня совершенно другие планы. Я не могу простить ему всю ту ложь и его предательство, когда он сбежал. А потом, для собственного спокойствия и удобства убедил себя и окружающих в том, что я притворяюсь...

– Но сейчас же все в порядке, – заметила Ирина, – тебя вылечили...

– Но рецидив не исключен и его вероятность очень высока, – ответил Савельев, – вспомни, что говорил врач.

– Если не подвергать себя стрессу, то и не будет.

– Послушай меня, я хочу расправиться с ним. Загнать в ту яму отчаянья, в которой оказался я по его милости. Пусть он испытает все это по полной программе. Если же не подействует, я прогуляюсь к его мамаше и выложу ей все!

– А если она умрет от этого?

– Ну он же меня не пожалел, когда убегал. Почему я должен задумываться на сей счет?

– Но ведь в действительности, никто не умер. Все живы и здоровы!

Арсений посмотрел на мать серьезно и ответил:

– Вот об этом везении ему пока не стоит знать, ни в коем случае. И я ненавижу его за Пашку. За то, что из-за его тяги к признаниям и перекладыванию ответственности он оказался в этой клоаке. Могу себе представить, каково ему там сейчас. Поэтому он должен отплатить за ту тысячу слез, что мы успели выплакать, и ту тысячу страшных часов, что провели в одиночестве... Он должен заплатить за свой поступок.

Ирина Иосифовна смотрела на сына и думала, что он, конечно, здорово зол на своего возлюбленного, но мучить его так, как он говорит об этом не сможет. И попросту простит его, когда тот прискачет. А ведь он действительно так сделает, но самому Арсению от этого будет только хуже, ведь предавший единожды, предаст еще раз, как любила говорить Таша, которую Ирина Иосифовна искренне считала «самым порядочным из всех мужиков» своего сына...

У самой Натальи Савельевой в тот момент образовался целый ворох проблем. Известие о смерти Виолетты она получила, пока обсуждала с Мариной перспективу вступления последней в «Десант» президентских сыновей. И поскольку, вероятности встречи там с Германом, то есть Арсением, Таша и не предполагала то всецело поддерживала порыв:

– А почему и нет, – говорила она, – эти сыновья, особенно Александр, производят очень благостное и естественное впечатление, не то что этот рафинированный папочка или наш

замечательный мэр, который выглядит как сова, которую затащили в тугую пачку, отчего она выпучила глаза и насупилась.

Марина рассмеялась и ответила:

– Зато он тесть президентского сына.

Телефонный звонок отвлек их от разговора, и ужасная новость упала на них, подобно огромной бомбе. Выслушав Пашкину бабушку, Таша кивнула и выключила телефон:

– В общем в нашем паноптикуме покойников прибыло...

Дело в том, что Таша пыталась подобрать удобный момент, чтобы сообщить Марине о смерти Пашки, но не получилось. О гибели Светланы и том, что ее брат теперь временно обитает в детском доме она рассказала сразу. В итоге предстояло поведать еще и о втором трупе. И суммарно третьем за сутки.

– Марина, – сказала Наталья, в ответ на непонимающий взгляд, – ты только спокойно это выслушай. Я хотела выбрать момент поудачнее и поделикатнее, но... Тут такая ситуация...

– Не тяни с предисловиями!

– В общем... Пашка сегодня погиб. Выпал из окна. Героин.

Марина воскликнула и закрыла лицо руками.

– И это еще не все. Сегодня его мама, Виолетта Игоревна, умерла от осложнений продолжительного заболевания.

– Чем она болела? – спросила Марина.

Таша решила не раскрывать всех карт и не пугать ее истинным диагнозом:

– Кажется, порок сердца... Надо ехать в больницу и все оформлять. Ее мать сказала, что ее не касаются эти проблемы, а раз мы с Арсением возились с Пашкой, то и с его матерью справимся...

– погоди, – вдруг сказала Марина, – а Суворова в курсе?

– Не знаю, – ответила Таша, – я сейчас ей позвоню и выясню, – она набрала номер и вскоре услышала голос диктора, – абонент не абонент. Она что, из города куда-то поехала? Странно, никогда посреди недели этого не делала. И потом, Суворова должна была в полицию ехать, чтобы насчет Пашки договориться...

– У меня вроде есть телефон нашего участкового, – нашла Марина и продиктовала номер.

Звонок в полицию ничего не дал.

– Они не в курсе. Суворова им не звонила и не заходила! Что за чертовщина творится?

– Нам надо ехать в больницу, – рассудила Марина, – там станет что-то понятно. Может она уже там. В таких местах мобильные телефоны порой ловят очень плохо и работают через пень колоду из-за глушилок.

– Думаю, что ты права. Я еще раз позвоню Суворовой, – сказала Таша и набрала номер. Снова то же самое, – поехали, в общем.

В больнице выяснились подробности происходивших событий.

– Ее привезли из Подосинок, – изумилась Таша.

– Да, – ответил врач, – она умерла именно там.

– Но почему ее не отвезли в их больницу?

– Она успела сказать перед смертью, что у нее СПИД, а в Подосинках сейчас нет патологоанатома. Вскрытие делать некому. Только трупы хранят и все.

– Бред какой, – сказала Таша, – но что она делала там?

– Она умерла на руках у женщины. Вообще-то история очень странная.

– Что вы хотите этим сказать.

– Покойная пришла в детский сад, призналась ее заведующей в своей болезни и после этого умерла. Больше ничего...

И тут у Таши в голове мелькнуло:

– Погодите, – сказала она настороженно, – как звали эту заведующую?

– Инна Васильевна Ефремова.

– Святые угодники! – вырвалось у Таши, – она это сделала. И как только решилась...

– Вы меня пугаете и ведете себя загадочно.

– Поверьте мне, – сказала Таша, – это семейное. Я не удивлена что Ефремова ничего никому не сказала. Никто не захочет позориться...

Не став вдаваться в подробные объяснения, Таша вернулась к Марине, которая сидела, грустная, в приемном покое и пила горячий шоколад из автомата:

– В общем, мы хотя бы знаем, как и почему это случилось, – сказала Наталья, когда подошла.

– И? – Марина искоса уставилась на Ташу в ожидании подробностей.

– Она умерла на руках у матери Андрея, которой, судя по всему, все рассказала перед смертью.

– Однако, – удивленно прошептала Марина, – ведь и сама же была во всем виновата...

– Но он же тоже приложил ко всему руку.

– Ребенка забрала она сама, собственноручно. И запретила нам с ним видеться. Этого всего можно было не допустить. Интересно, мамочка уже ощипала перышки своему любимчику?

– Хотела бы я на это посмотреть, – с ошутимой издевкой произнесла Марина.

А Инна Васильевна Ефремова действительно, через определенное время получила возможность выдрать сыну все его красивые перышки, при помощи которых он успешно маскировался от окружающих:

– А я-то думала, что воспитала тебя человеком и могу гордиться тобой, – с горечью говорила мать сыну, а саму ее душили слезы. Андрей смотрел на нее немного надменно и пока не понял, какую тактику поведения ему следует выбрать, – ты даже не решился признаться мне в том, что ты гей. И что ты столько лет прожил с человеком, которого без малейших угрызений совести бросил на произвол судьбы!

– Мама, можно мне узнать, к чему ты сейчас все это тут развела? Что хочешь услышать или увидеть?

– Я требую объяснений! Ты столько лет скрывал от меня то, что ты гомосексуалист. И при этом постоянно говорил, что так сильно меня любишь! А это, оказывается и не было правдой?!

– Почему, я люблю тебя. Именно поэтому я не хотел тебе всего рассказывать, чтобы не причинять боли и беспокойства.

– Твоя ложь в данном положении дел ранит меня гораздо сильнее, чем просто знание этого факта. Да, я не совсем была готова принять это. Но я люблю тебя, ты мой сын, поэтому я обязана принимать тебя таким, какой ты есть, со всеми недостатками и особенностями! А ты посчитал правильным молчать, оставлять меня в неведении! И ведь я периодически заводила тему твоего брака. А ты... Ты жил с этим парнем, который погиб. Вы воспитывали этого мальчика, который сегодня разбился. Я говорила с его мамой. И она мне все рассказала. И мне было больно от того, что я воспитала подонка, способного сначала подобрать ребенка, а потом решить вернуть его назад, как просроченную игрушку...

– Он не был моим родным ребенком, я относился к нему...

– Ты взял на себя ответственность заботиться о нем! Или твоего мнения не спрашивали, и просто поставили перед фактом? – Инна Васильевна не могла понять, почему сын не хочет сознаваться во всем и продолжает выкручиваться.

– Нет, со мной это обсуждалось. Я согласился.

– Тогда ты не имел права требовать, чтобы его забрали. Он живой человек.

– А я? Разве не живой человек? Я что, принадлежу им как вещь?

– Когда речь заходит о семье, то с определенными параметрами свободы приходится поступаться.

– У меня не было семьи...

– Нет, и я это теперь понимаю. У вас была семья, раз ты не сбежал оттуда быстро. Тебя там все устраивало, пока что-то не произошло... Неужели у тебя не осталось и доли жалости, уважения и совести? Хотя бы по отношению ко мне?

В голове Андрея Ефремова творилось бог знает, что. Он понимал, что совершенное им несколько часов назад, убийство Суворовой совершенно теряет смысл. И в нем его не было, так как к тому моменту уже все произошло. Более того, мать настроена агрессивно и жестко:

– А что бы я тебе сказал? Мамочка, я гей и у меня семья и мы воспитываем приемного ребенка? Откуда я знал, как ты отреагируешь?

– Я твоя мать, кто как не ты должен знать меня лучше других?

– А если я боялся?

– Я воспитала труса, который не хочет признаваться в том, что разбил любимую мамину вазу, хотя его вина более чем очевидна?

– И потом, ты столько раз говорила про то, как хочешь внуков, чтобы у меня была жена. Вспомни! Каждый раз, когда это происходило, ты вызывала у меня сомнения. И они росли и множились. Это невыносимо отвратительное ощущение, если ты вообще понимаешь, что я хочу до тебя донести. Отвратительное состояние. Поэтому я и пошел на такой поступок. Хотел разобраться в себе, может сделать тебе приятно и найти девушку...

– А в итоге, ты, разобравшись в себе, убил трех человек...

– Трех? Почему?

– А ты хочешь сказать, что не имеешь отношения к этим смертям?

– Я просто запустил механизм...

– Это все равно, что положить в руку ребенку пистолет, объяснить, как им пользоваться и показать, кого следует убить... И никто ничего не докажет... Твой Арсений был болен, и ты это знал. Почему ты не помог ему? Почему не вернулся?

– Я не верил! И в этом твоя вина. Кто регулярно выдергивал меня из города по любому предлогу, связанному со здоровьем? Сама вспомни, сколько раз за последний год я приезжал сюда или домой, потому что мне сообщали, что «мама при смерти», «мама умирает». Я поэтому посчитал, что он тоже спекулирует своим заболеванием. Да, я ошибся. Но в том, что во мне было это сомнение виновата ты...

– Да как ты можешь? Хочешь сказать, что я убийца, как и ты? Даже если и так, то моя вина меньше. Так как мне не было известно всей правды.

– Я тоже не знал, что Виолетта проститутка...

– По-моему, если мать спокойно бросает сына на попечение малознакомых людей и оставляет его на четыре года можно успеть понять, что это за мать и каких эпитетов она достойна? Но ты же не будешь меня убеждать в том, что ты не ожидал той реакции, какая была у Арсения. Ведь так?

– Буду...

– Прекрати врать, хотя бы сейчас. Хватит. Если ты прожил столько лет с человеком, то должен такие вещи легко просчитывать...

– Да. Я положился на удачу и на то, что он преувеличивал слабость своего здоровья. И я это делал потому, что под действием всех ваших бесконечных разговоров, хотел стать нормальным. При этом понимая, что не смогу себя перепрограммировать! Я таким родился! И это ты меня родила с подобным отклонением. Так что не надо тоже от горячего отказываться. Твоих гвоздей в тех гробах тоже достаточно, и поэтому тебе сейчас так неприятно!

– И это мой сын, которого я любила больше жизни, – тут Инна Васильевна поняла, что ей становится хуже и дернула шнурок вызова медсестры, – уходи отсюда.

– Нет, мы договорим, – настаивал Андрей.

– Уходи немедленно, – закричала Ефремова срываясь на хрип. Она попыталась встать с кровати и снова закричала, – Вон отсюда!

На крики прибежал Владимир, вскоре появилась медсестра.

– Что ты наговорил матери, – возмутился отец.

– Вова, пусть он уйдет, – кричала Инна.

Андрей остановился посреди распахнутой двери. Инна Васильевна отключилась. Медсестра побежала за санитарями, те быстро пригнали носилки и увезли Ефремову в реанимацию...

Андрей стоял возле плотного стекла, отделявшего коридор от реанимационной комнаты. Его мать лежала без сознания, вся опутанная сетью различных проводов, аппаратов... К Ефремову подошел отец:

– Ты можешь быть доволен содеянным, – сказал он, – твоя мать может быть парализована от второго инфаркта. Есть вероятность, что она никогда не выйдет из этого состояния... Что тебе мешало сразу ей признаться?

– Тебе не понять, – процедил Андрей сквозь зубы и тут почувствовал вибрацию телефона. Пришло сообщение. Он открыл его и прочел:

«А теперь ты не хочешь попросить у мамочки справку об истинности ее заболевания?»

* * *

В этот сумасшедший, во всех отношениях день, Регина, по своему обыкновению проснулась рано утром. Приготовила и обслужила завтрак, после чего убрала и вымыла всю посуду и занялась уборкой. Легкое недомогание, которое посетило ее в момент езды на пылесосе по гостиной, показалось чем-то временным и, скорее всего, проходящим.

Казалось, что пыли в этот день было как-то особенно много, а сам процесс тянулся, подобно тяжелой и липкой массе. Организм требовал отдыха, и минуты становились тяжелыми и тягучими, подобно вареной карамели. Вдобавок по какой-то не самой приятной и адекватной причине, навязчивые боли в пояснице не желали ее отпускать. К вечеру они усилились настолько, что гувернантка с трудом передвигалась. На ее счастье вся семья ужинала за пределами квартиры, благодаря чему удалось отдохнуть.

В одиннадцатом часу приехали Максим с Женей и Сашка. Они по обыкновению добыли в холодильнике пиво и вяленого осьминога и расположились для обсуждения предстоящей бурной деятельности. В какой-то момент Максим сказал:

– Я что-то достаточно уже принял, пойду налью морс.

Вернувшись с кухни, он озадаченно отметил:

– Регины нет. Она, вроде бы, всегда нас дожидается, прежде чем лечь.

– А сегодня не стала, – заметила Женя, – мы же звонили и предупредили, что не знаем, когда вернемся.

– Это верно, – согласился Максим, – но все же очень странно.

– Пойди и проверь у нее в комнате, – сказала Женя.

Максим последовал ее совету и буквально через несколько мгновений его беспомощный крик потряс всю квартиру:

– Регина, что с тобой?

Сашка и Женя как по команде вскочили со своих мест и побежали в комнату кухарки. Та лежала на полу, была в сознании, лицо казалось немного бледным, а выражение испуганным. Встать с пола самостоятельно она не могла:

– Проклятая поясница, – говорила она, – за что мне такое наказание? С утра сегодня как затянуло, так и не хочет отпускать. Проклятье. Максим, найди мне гель в холодильнике, спину намажь. К утру пройдет.

– Сейчас сделаю, – ответил Максим.

– Только попробуй! Вы тоже не девочка, чтобы спасаться мазями. А если это не мышечное, а почки?

– Сроду проблем с ними не было!

– А если появились? Нет уж. Я вызываю скорую, – скомандовала Женя и взяла трубку городского телефона, – мы срочно едем в больницу! И почему в этом доме единственным здравомыслящим существом в экстренных ситуациях оказывается беременная женщина, которая готова реагировать на все без паники...

А молодой бройлер все продолжал и продолжал набирать вес. С его стороны это было очень рискованно...

19. Это пройдет

*Песни не исцеляют подобно лекарству
Любовь и болезни.
И лишь та самая легкая боль в душе
Отпустит ненадолго, подарит жизнь.
Это пройдет...
Появится кто-то, сыграет на струнах души
Ты увидишь его на улицах города,
Он станет иллюзией, а ты для него – песней...*

Current Music – Aleandro Baldi – Passerà

Семейный ужин продолжал ионизировать воздух. Частицы газа вращались по комнате, постоянно перескакивая через мысленные электрические разряды. Молекулы быстро разгонялись, и те, которым не удавалось вовремя проскочить в нужном направлении, лопались испуская приятный запах. Арсений и Ирина Иосифовна стояли друг друга, и потому подобная странная словесная дуэль была особенно яркой и неподражаемой. Мать не хотела говорить сыну в лицо о том, что она уверена в его откровенной слабости. Арсений же продолжал убеждать себя в обратном. Хотя даже тот факт, что он снова завел себе змею, чего не позволял себе пять лет из-за фобии Андрея к рептилиям, указывал на внутреннюю боязнь Савельева, допущение того, что этого человека можно вернуть назад. Ирина Иосифовна про себя отлично знала, что змеи будут очень скоро проданы, как только Ефремов нарисует на пороге этой дорогой и стильной квартиры в фешенебельной жилой башне.

– Может быть хватит ему? – сказала Арсению мать, – в конце концов, он уже достаточно наказан. Его карьера уничтожена.

– Секундочку, пока что он продолжает у тебя работать и с его карьерой все более чем благополучно. Поэтому я и настаиваю на том, чтобы ты закончила наш план. Все-таки Андрей сам испортил свою жизнь необдуманными поступками и глупостями. Только не поплатился за это.

– Откажись от этой мести. Надо начать свою жизнь заново. Отпусти его и забудь?

– Нет, – ответил Арсений, – и не подумаю...

Данный диалог мог продолжаться до бесконечности, но их отвлек звонок телефона, оповещавший о сообщении. Соловьев взял мобильник и прочитал полученное. После чего быстро набрал номер:

– Я слушаю, что случилось. Как? – Арсений занервничал и вскочил на ноги, – когда это произошло? Почему только сейчас сообщаем? Ладно, проехали. Я еду в больницу, там разберемся...

– Что там, – испугалась Ирина Иосифовна, – зачем тебе в больницу?

– Пашка, – Арсений упал на диван и зажмурился, – он погиб...

– Как?! – подпрыгнула Савельева, – что там случилось?

– Он выпал из окна..., – вдруг он поднялся с дивана и уверенно сказал, – я должен его видеть. Мы едем в больницу.

– Опомнись! Тебя там могут узнать?

– Все равно. Я должен был бороться за его свободу и не стал этого делать. Я несу ответственность за его смерть и поэтому обязан сейчас быть там и высказать Виолетте все что я о ней думаю...

В больнице Арсений оставил мать в приемном покое, а сам удалился в морг, чтобы в последний раз увидеть Пашку. Это зрелище произвело на него неизгладимое впечатление, и Савельев долго не мог прийти в себя от увиденного. А тем временем наверху произошло

то, что и должно было случиться, когда несколько знающих друг друга людей оказываются в одном и том же месте:

– Тетя Ира? – услышала Савельева голос Жени Суляниной, а ныне Волковой.

– Ой, – попыталась улыбнуться Ирина Иосифовна, но в результате получилось неестественно, – привет. Что ты здесь делаешь? Что-то с ребенком?

– С ребенком все отлично, он скоро начнет активно проситься на Белый свет. Президентской горничной стало плохо, – ответила Женя, – мы привезли ее на обследование.

– Саша и Максим здесь? – испугалась Савельева.

– Да, они говорят с врачом и скоро спустятся.

Вот только этого мне не хватало для полного счастья, – подумала Ирина Иосифовна, – если сейчас они все столкнутся с Арсением, то есть с Германом, то все раскроется.

– Постарайся их увести, пока Арсений не появится.

– А точнее Герман, – напомнила Женя, – вы не очень-то осторожничаєте, раз так свободно появляетесь вместе.

– Пашка погиб, – ответила Савельева.

– Какой такой Пашка? – удивилась Женя, – он мне ни о каком таком Пашке при встрече не говорил.

В этот момент у Ирины Иосифовны в голове проскочила мысль о том, что Арсений не сказал ей что именно он поведал Женя и что говорить не следует. Сама девушка была заметно удивлена и расстроена тем фактом, что он утаил этот факт. А раз он открыто показал ей свое недоверие, то пусть объяснится. Тут ситуация усложнилась еще больше, так как Савельева услышала:

– Ирина Иосифовна?! – это была Таша.

– Здравствуй, Наташа, – узнала ее Ирина Иосифовна.

– Как вы здесь очутились? Пришли к Пашке?

Женщина откровенно не знала, что ей сейчас следует сказать и как соврать получше. Но в голову ничего не приходило:

– Наташа, – сказала Ирина Иосифовна, – нам надо поговорить. Женя, я не буду дожидаться мальчиков. Потом как-нибудь встретимся.

Озадаченная Женя проводила ее удивленным взглядом и решила, что в ближайшее время она разузнает у Германа всю правду, а не ту часть, которую он рассказал.

Тем временем, Ирина Иосифовна завела с Ташей диалог на тему Арсения, стараясь увести ее подальше от Приемного покоя. Однако, когда честные люди пытаются врать, все получается в худшем виде. Таша столкнулась с Германом лицом к лицу. Он выходил из лифта и налетел прямо на них.

– Это ты? – чуть не подпрыгнула Наталья, – так вот почему я твою маму тут встретила? Ты все-таки жив?

– Да, – спокойно ответил Арсений.

– А мне сказать ты не мог? Мы все чуть не сошли с ума..., – Таша переходила на повышенные тона, поэтому Герман/Арсений принял решение быстро завести ее в лифт вместе с Ириной Иосифовной и спокойно поговорить без свидетелей. Еще в лифте Таша продолжила свою тираду, – Что ты за эгоист? Заставил поверить нас в свою смерть!

– У меня не было времени и возможности это сделать, – оправдывался Арсений.

– Ну конечно, – разозлилась Таша пуще прежнего, – тебе просто хотелось, чтобы реакция на трагедию была более естественной. Чтобы нам не пришлось на похоронах лишь изображать из себя скорбящих полудурков. А сам сидел в сторонке и посмеивался.

– Это неправда! – ответил на обвинения Арсений, – я действительно не имел возможности кого-либо предупредить. Я долгое время сам находился между жизнью и смертью, и то что меня спасли в определенном смысле можно списать на чудо.

– Это так, – продолжила Ирина Иосифовна, – кроме того, став жить под другим именем он мог сильно рисковать контактами с вами.

Они вышли на верхнем этаже и поднялись на открытую смотровую площадку на крыше больницы. Там Таша дала волю своим эмоциям по полной программе:

– Да кем ты себя возомнил? Зачем вообще нужен этот маскарад со сменой имени? Считаешь, что этим расквитаешься со своим Андрюшей? Да он срать хотел на твою болезнь и на то, что ты вроде бы как погиб. Он даже на похоронах не появился, я ему в тот день звонила, даже трубку не взял. Видать общество Багрицкой ему было интересней. Жаль ее больше нет с нами, а то бы тоже порадовалась... И у меня теперь есть серьезные опасения думать, что это твоих рук дело.

– Какое еще дело? – изумился Арсений.

– А ты будто и не в курсе, что сегодня утром маленький Леша возвел башку своей сестры в степень одного большого отверстия при помощи пистолета?

– Что? – ахнула Ирина Иосифовна и в ужасе посмотрела на сына.

– Впервые слышу, – Арсений действительно был сильно удивлен этой новостью, – я для себя покончил с ней, когда избил у себя в кабинете.

– Ты поднял руку на девушку, – испугалась Савельева.

– Да, – ответила Таша, – я была тому свидетелем. А также я согласна с тем, что она правильно получила. Я бы еще добавила, но мне это существо ничего плохого не сделала. А теперь Света убита, ее убийца очевиден, но я не верю, что шестиклассник способен просто так, на пустом месте взять и застрелить любимую сестру.

– Ну, – заметил Арсений, – она то к нему никогда теплых чувств не питала. Все рвалась его сдать в какой-нибудь кадетский корпус, чтобы не следить и не заниматься его воспитанием. И бегать вместо этого по своим многочисленным самцам...

– Но вернемся к нашим баранам, – заявила Таша, – смерть Светланы мне, честно говоря побоку, не считая того, что я сейчас в детском доме отвечаю за ее брата, который пока и не осознал того что сделал. Ему предстоит долгое и тяжелое восстановление и помощь хорошего психиатра. Так что, если ты к этому причастен, я простить этого не смогу. Но ведь... Паша мог бы остаться в живых...

– Ты хочешь сказать, – пошел в наступление Арсений, – что моя вина состоит в том, что я не кинулся на амбразуру чтобы бороться за него с его законным представителем? Ты же понимаешь, что суд бы я проиграл. Андрей бы никогда не пошел туда свидетельствовать на моей стороне. Таким образом в случившемся с Пашкой моей вины нет. Адскую машину запустил не я.

– Это правда, – спокойно вставила свои пять копеек Ирина Иосифовна.

– Отлично, – подвела итог Таша, – у нас никто не виноват. Все сняли с себя ответственность. Превосходно.

– Нет, – сказал Арсений, – я не согласен. И поэтому я не намерен сдавать позиции.

– Кстати, что это была за девушка, с которой вы беседовали, – спросила Ирину Иосифовну Таша.

– Какая еще девушка? – испугался Арсений.

– Здесь Женя, – ответила Савельева, – И Максим с Сашей тоже. Я тебя предупреждала, что эта вылазка может быть опасной и необдуманной. И тебе еще предстоит им объяснить... Потому что я разболтала Жене про Пашку...

– Черт, – схватился за голову Арсений, – она ничего не знала о моей жизни с Андреем и Пашкой... Что же делать?

– Не знаю.

Таша смотрела на сына и мать раздраженно. Она пока не могла сформулировать своего отношения к ситуации и занять внятную позицию.

– Придется им рассказать о моей жизни, – сказал Арсений.

– Ты им признаешься? – испугалась Ирина Иосифовна.

– Разумеется нет. Ты выступишь в роли его матери, а я продолжу быть Германом.

– Погодите, – заметила Таша, – а куда вы денете меня? Может я не хочу играть по вашим правилам.

– Ты хочешь сказать, – сказал Арсений загадочно, – что не хочешь отплатить за то, что случилось с Пашкой? Полагаю, Андрей и Виолетта вполне заслужили...

– Возможно. Но Виолетта умерла сегодня. Причем при обстоятельствах, которые тебя могут порадовать, – сказала Таша.

– Ее болезнь все-таки победила, – понял Арсений, – и что за обстоятельства?

Таша задумчиво посмотрела на Савельева и произнесла:

– Неужели все случайности сговорились и складываются в твою пользу. Я бы тоже решила, что это твоих рук дело. В общем, Виолетта поехала к маме Андрея и умерла у нее на руках в ее рабочем кабинете. Успела она ей что сказать или нет мне неизвестно, так как Андрею я не звонила, да и не собираюсь. Думаю, что его и пашкина смерть особо не заденет за живое.

– Думаю, если его мамаша в курсе, – мечтательно процедил сквозь зубы Арсений, – в их милом зоопарке в Подосинках сейчас творится романтическая семейная сцена с последствиями и не только. Хотел бы я поприсутствовать при этой феерии.

– Бедная женщина, – сказала Ирина Иосифовна, – я не знаю, что бы сделала, если бы мне про тебя такое сказали...

– Ты бы сказала, что давно в курсе, зевнула и заявила, что у тебя три важных совещания через полчаса, – ответил Арсений, – я слишком хорошо тебя знаю.

– Я просто пытаюсь себя на ее место поставить...

– Не получится, – ответил Савельев, – потому что ты никогда не предъявляла мне требований с точки зрения эгоистичной показухи. А его мамаша, учитывая то, как она ждала внуков, страдала этим последний год в усиленном режиме. И потому она тоже виновата в случившемся. Но мы отвлеклись. В любом случае надо идти отлавливать президентскую чету...

– Хочу тебе напомнить, – осторожно заметила Ирина Иосифовна, – что речь идет о чете премьер-министра...

– Учитывая, что они на одно лицо, – ответил Арсений, – сути это не меняет. Я сейчас позвоню Жене, и мы встретимся и отыграем назад твою небольшую ошибку. Зато расскажем братьям о том, какие несчастья покойный Женин друг перенес по вине преступного режима их папочки... Таша, ты с нами или будешь играть в праведную обиду?

– Твоя взяла, – отмахнулась она, – на самом деле я очень рада, что ты жив...

Арсений внутренне перевоплотился в Германа, позвонил Жене и предложил встретиться в приемном покое. Вскоре все шестеро уже сидели в небольшом кафе неподалеку от гостиницы, пили чай и внимательно слушали друг друга:

– Регине придется провести в больнице неделю, – заметил Максим, – она себя так загонит. Еще бы немного и почки могли отказаться...

– Так если тянешь в одиночку все хозяйство, – сказал Сашка, – это неудивительно. Но мы отвлеклись. Вы хотели нам поведать нечто, что очень озадачило Женю.

– Хорошо, – согласился Герман и пересказал всю историю злоключений Арсения, разумеется упустив тот факт, что он сам и является этим самым человеком.

– Какой ужас, – прошептала Женя, – я и не знала всего этого.

– Ну ты же не видела его сколько лет, – ответил Арсений.

– Много, – сказала Женя, – и все равно, почему он не обратился к нам за помощью.

– Ничего удивительного, – вступила в разговор Ирина Иосифовна косо поглядывая на Германа, – он посчитал нормальным сбежать с Севера от моих связей, хотел побольше самостоятельности, свободы. Не понимал, что этим может набить себе шишек...

– А в итоге разбил голову, – вовремя перебил мать Герман, он всерьез опасался, что она может ляпнуть что-то неосторожное, – и сейчас я не намерен сидеть сложа руки.

– Этот Ефремов, – сказал Сашка, – просто безответственный инфантил и маменькин сыночек. Очень желаю, чтобы мать Пашки успела все рассказать его матери. Хотя, она скорее предпочтет думать, что ничего не знает. И будет продолжать давить на него, просить деточек. Самое гадкое, что все это дурно пахнет из-за замечательного закона, что собрались протащить через парламент больные на голову с Крысулиной во главе. Возьмется с бог знает чем вместо того, чтобы действительно решать проблемы государственной важности... А вашего Ефремова и правда стоит наказывать.

– А не проще ли простить и не связываться? – попыталась вставить Таша, чтобы перевести беседу в иное русло, но в результате получился обратный эффект, – в конце концов, чтобы не пачкаться...

– Не выход, – заметил Герман.

– Но месть, это выход для слабых..., – сказала Женя и поймала недовольный взгляд Сашки.

– Ничего подобного, – вдруг выступил Герман, прежде чем Сашка успел открыть рот и начать полемику на свою любимую тему «вендетты», – мне кажется, что все, что окружает понятие «мести» здорово застраховано моралью. Причем страховка эта нужна не столько праведникам и тем, кто страдает от предательств или преступлений, а в большей степени главным виновникам. Иными словами, мораль служит на благо Зла.

– Это как? – открыла рот Женя.

– Очень просто. Представь себе, что ты совершаешь подлость, после чего вместо того, чтобы бросаться исправлять все то, что натворил, сидишь с постным выражением лица и заявляешь: «Мол, прости меня ипусти. Месть – это удел слабых, а сильные прощают». Вот тут-то и кроется главная загвоздка. Подлец пойдет творить Зло дальше, потому что не получит никакого внятного обратного отпора. Ведь такой поступок сам по себе является антиморальным. Зато все его действия будут по-прежнему просто осуждаться моралью, не более того. Но этому человеку на понятие морали глубоко фиолетово, если не сказать грубее. Следовательно, установка на то, что месть удел слабых работает исключительно на пользу тех, кто совершает подлости и предательства, прекрасно осознавая, что справедливого возмездия не последует. Ведь это идет вразрез с принятыми нормами морали. А на самом деле происходит банальная подмена понятий. Подлец, кроме шуток, боится мести. Именно для того, чтобы себя обезопасить и было изобретено это прекрасное объяснение. Мол мстят только слабые. Это в корне неверно. И это придумано изначально теми, кто находился на стороне зла, чтобы в дальнейшем это зло спокойно и безапелляционно оправдывать. Почему-то у нас принято считать, что если жертва смеет дать отпор своим обидчикам, то тем самым опускается до уровня своего недоброжелателя. Что же это получается, следовательно, если меня ограбили, то тот факт, что я пишу в полицию заявление, и это является, по сути своей, мстью, то опускаюсь до уровня бандитов? Что за странная двойная мораль? Уголовный кодекс предусмотрел преступление – прекрасно, месть за него допустима. Статьи нет – все, вы свободны и если посмеете пытаться восстановить справедливость, то сами окажетесь по уши в дерьме и всех вытекающих из этого обстоятельствах. Где тут хваленая справедливость и на кого она на самом деле работает? Что там нам религия подсказывает? Подставить другую щеку? Если тебя ограбили, дай порыться в другом кармане, может там что получше найдется? Это нельзя считать справедливым! Так же и с мстью. Что плохого в том, что я хочу ответить человеку на ту несправедливость, которую он осуществил

по отношению ко мне? И почему я, как жертва, в данной ситуации в глазах морали буду выглядеть хуже своего обидчика? Так что тут большая проблема в двойственности морали и ее абсолютной несостоятельности. Поэтому я против такой дрянной морали. Я считаю, что если месть вполне допустима с точки зрения моей системы ценностей и философии, то никто не имеет права ее осуждать!

– Черт, – вырвалось у Сашки, – ты сказал все что я думал на этот счет, но не мог выразить в словах...

– Мои поздравления, – заметила Женя, – Герман, ты только что подарил Мефистофилю его заветное оружие...

– Но в этом есть одно но, – сказал Максим, – если тебя ограбили на улице, то это сделали малознакомые тебе люди. Или ты их вовсе не знал. А кидает тебя человек, который хорошо знаком.

– И что? – удивился Сашка, – почему близкие люди не могут нас обкрадывать?

– Именно, – сказал Герман, – а в случае, когда тебя просто кидают, то происходит кража твоего собственного времени и чувств, которые ты испытывал к человеку. Это самое натуральное надругательство и издевательство, заставить человека развернуть свои эмоции на сто восемьдесят градусов, а потом сильно удивляться, что человекахватило смертельное заболевание. По-вашему нормально, что семнадцатилетний пацан остался один с тяжело больным человеком на руках.

– Да, – ответила Таша, – и он таскал его после обмороков по всей квартире. Не отходил ни на шаг.

– А потом милая мамочка вывезла его оттуда подобно манекену, – ответил Сашка, – почему же он за него не боролся?

– Виолетта угрожала судом, – вставила Таша, – там было невозможно бороться, – она покосилась на Германа, – Арсения это здорово подкосило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.